А. Богдановъ

НОВЫЙ МІРЪ

(СТАТЬИ 1904—1905)

Изданіе

С. Дороватовскаго и Чарушникова

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ

Москва—1905

Класс
Ефсиа гдс
Ленин Хл
?-1-77
1185856-245

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. *Собираніе человѣка* (первоначально напечат. въ „Правдѣ", 1904, 4) 1

II. *Нормы и цѣли жизни* (напечатано въ „Образованіи" 1905, 7) 55

III. *Проклятые вопросы философіи* (раньше напечатано въ „Правдѣ", 1904, 12) . 136

ОТЪ АВТОРА.

Эти три статьи составляютъ одно цѣлое. Въ нихъ я стремился обрисовать развитіе новаго, высшаго типа жизни, какъ я его понимаю. Статья первая посвящена измѣненію типа человѣческой личности—устраненіе той узости и неполноты человѣческаго существа, которыя создаютъ неравенство, разнородность и психическое разъединеніе людей. Статья вторая говоритъ объ измѣненіи типа общественной системы — устраненіе элементовъ принужденія изъ отношеній между людьми. Статья третья намѣчаетъ измѣненія типа человѣческаго познанія—освобожденіе отъ фетишей, ограничивающихъ и извращающихъ познавательное творчество. Въ выясненіи вопросовъ я старался итти по тому пути, который указанъ

Марксомъ—искать линіи развитія «высшихъ» проявленій человѣческой жизни, опираясь на ихъ зависимость отъ развитія *основныхъ* ея условій. Въ моей работѣ дѣло идетъ, разумѣется, только о самыхъ общихъ контурахъ новаго жизненнаго типа.

А. Богдановъ.

НОВЫЙ МІРЪ.

(СТАТЬИ 1904—1905).

Изданіе С. Дороватовскаго и Чарушникова.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.

Москва—1905.

Масіо
Ефкалидс
Лемы Ки
2-1-77
1185556-295

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. *Собираніе человѣка* (первоначально напечат. въ „Правдѣ", 1904, 4) 1

II. *Нормы и цѣли жизни* (напечатано въ „Образованіи" 1905, 7) 55

III. *Проклятые вопросы философіи* (раньше напечатано въ „Правдѣ", 1904, 12) . 136

I.

Собираніе человѣка.

«Создалъ Богъ человѣка по образу и подобію своему...»

Книга бытія.

«Общественное бытіе опредѣляетъ собою сознаніе людей...»

К. Марксъ.

«Человѣкъ — мостъ къ сверхъ-человѣку».

Фр. Ницше.

Что такое человѣкъ? Вопросъ этотъ одни рѣшаютъ слишкомъ просто и конкретно, другіе слишкомъ сложно и отвлеченно. Оба типа рѣшеній во многомъ сходятся между собою не только со стороны реальнаго содержанія, которое охватываютъ, но и со стороны основной точки зрѣнія, изъ которой исходятъ. Это *наивныя* рѣшенія.

Для обывателя «человѣкъ» вовсе не загадка, не «проклятый вопросъ», а просто живой фактъ его обывательскаго опыта: «человѣкъ»—это онъ самъ, и другіе обыва-

міръ не охватывается полностью ни анатомическимъ и физіологическимъ комплексомъ «человѣческое тѣло», ни психическимъ комплексомъ «сознаніе», ни соціальнымъ—«сотрудничество»... И если мы просто соединимъ, механически свяжемъ всѣ эти точки зрѣнія, у насъ еще не получится *цѣлостной* концепціи: собраніе частей еще не есть цѣлое.

Въ этомъ смыслѣ и обывательская точка зрѣнія, и ея разновидность—схоластическая имѣютъ несомнѣнное преимущество: каждая изъ нихъ *формально* беретъ человѣка цѣликомъ, не отвлекая ту или другую его «сторону». Но отъ такой формальной цѣлостности, къ сожалѣнію, толку очень немного, потому что *содержаніе* въ обоихъ случаяхъ берется мелкое и неопредѣленное. Самая «широта» этихъ концепцій оказывается узкой и односторонней: «человѣкъ» выступаетъ въ нихъ не какъ нѣчто безпредѣльно развивающееся, а какъ нѣчто неподвижное въ своихъ основахъ, статически-данное: въ одномъ случаѣ онъ всецѣло ограничивается рамками обывательщины наивной, въ другомъ — рамками обывательщины философской; здѣсь онъ навсегда обрекается быть существомъ «полнымъ страха и надежды, что Богъ сжалится

тельно предметами *его* опыта. Всякое расширеніе этого опыта было тогда расширеніемъ міра въ цѣломъ.

Общеніе съ другими существами—вотъ что дѣлаетъ человѣка микрокосмомъ.

Только это общеніе научаетъ человѣка тому, что есть вещи, которыя не принадлежатъ къ его опыту, и однако «существуютъ», потому что принадлежатъ къ опыту другихъ людей,—что есть переживанія, которыхъ онъ не испытываетъ и которыя однако «реальны», потому что протекаютъ въ сознаніи другихъ людей. Онъ убѣждается, что потокъ опыта не одинъ, а ихъ много, и всѣ они сливаются для него въ безконечный океанъ, который онъ называетъ природой.

Такимъ образомъ между «человѣкомъ»—индивидуальнымъ міромъ опыта—и «природою»—міромъ универсальнымъ—связь создается средою общенія—соціальной средою въ точномъ смыслѣ этого слова. И если мы хотимъ рѣшить вопросъ, что такое человѣкъ среди всеобщаго мірового процесса, то путь къ рѣшенію лежитъ для насъ черезъ другой вопросъ: въ какомъ отношеніи находится опытъ отдѣльнаго человѣка къ опыту другихъ живыхъ существъ?

Эти другія существа прежде всего, конечно, люди—именно тѣ, съ которыми онъ находится въ наиболѣе тѣсномъ жизненномъ общеніи,—члены того общества, къ которому онъ принадлежитъ.

II.

На зарѣ жизни человѣчества между опытомъ отдѣльнаго человѣка и коллективнымъ опытомъ его «общества» разница сравнительно очень небольшая и очень простая: это разница *количества*, а не качества.

Первобытное родовое общество—это міръ стереотипныхъ людей, съ ничтожными варіаціями повторяющихъ одинъ другого. Формы жизни просты, элементарны, однообразны; все, что доступно въ опытѣ одному члену родовой группы, доступно и всякому другому; что дѣлаетъ и умѣетъ дѣлать одинъ, то дѣлаетъ и умѣетъ всякій другой; что знаетъ одинъ, то знаетъ и всякій другой. Одинакова среда, въ которой каждый изъ нихъ живетъ и дѣйствуетъ: одна и та же маленькая группа людей, одинъ и тотъ же маленькій клочокъ природы. Одинаковы и средства, которыми каждый располагаетъ въ

своей жизни и дѣятельности: одинъ и тотъ же стихійно накопленный группою запасъ трудового опыта, одни и тѣ же примитивныя орудія.

Тутъ нѣтъ ничего такого, что выдѣляло бы нѣкоторыхъ среди остальныхъ принципіально *болѣе широкимъ* содержаніемъ жизни, ничего такого, что отличало бы нѣкоторыхъ отъ остальныхъ принципіально *инымъ* матеріаломъ опыта. Есть только незначительныя количественныя различія силы, ловкости, памяти, сообразительности; по существу въ полномъ жизненномъ циклѣ особей опытъ каждаго равенъ опыту всѣхъ.

Мышленіе людей при этомъ имѣетъ «сплошной» характеръ. Группа живетъ, какъ цѣлое; *нѣтъ личности,* нѣтъ идеи «я», какъ особаго центра интересовъ и стремленій. Оттого и въ первобытныхъ языкахъ не было личныхъ мѣстоименій.

Не разъ пытались идеализировать первобытную жизнь, представить ее золотымъ вѣкомъ позади насъ. Отсутствіе власти и подчиненія истолковывали какъ господство свободы и равенства; отсутствіе внутренней борьбы въ родовой группѣ и ея тѣсную сплоченность на почвѣ кровной связи—какъ

осуществленіе братства. Все это—большая ошибка. Наши идеи свободы и равенства возникаютъ изъ такого опыта, въ которомъ существуетъ угнетеніе и неравенство;—онѣ выражаютъ активныя стремленія, направленныя противъ этихъ фактовъ опыта; наша идея братства также возникаетъ изъ реальныхъ противорѣчій общественной жизни и выражаетъ активныя стремленія, направленныя противъ ихъ фактическаго господства. Гдѣ опытъ не даетъ отрицательной основы для этихъ идей, тамъ онѣ пусты и непримѣнимы. Таковы онѣ по отношенію къ первобытному обществу.

Простота и элементарность жизни еще не составляютъ ея гармоніи, потому что гармонія—это примиреніе противорѣчій, а не простое ихъ отсутствіе, объединеніе разнообразнаго, а не простое однообразіе. Если гармонія не всегда воплощается въ могучемъ движеніи, то она всегда заключаетъ въ себѣ *возможность могучаго движенія.* Этого нѣтъ въ первобытной жизни людей: она неподвижна, стихійно-консервативна.

Бѣдность содержанія жизни—такая бѣдность, какой мы не можемъ себѣ представить — основная причина этого консерва-

тизма. Развитіе, творчество жизни возникаетъ изъ богатства комбинацій опыта. Гдѣ весь матеріалъ опыта сводится къ небольшому числу привычныхъ ассоціацій образовъ, привычныхъ эмоцій и дѣйствій, тамъ нѣтъ условій для развитія и творчества. Гдѣ все строеніе психики основано на привычкѣ, тамъ нѣтъ и потребности въ измѣненіяхъ. Основное орудіе человѣческаго развитія — познаніе—строго говоря, не существуетъ въ этомъ мірѣ: то, что лежитъ въ рамкахъ привычнаго, не вызываетъ потребности «объясненія»; то, что, неожиданно являясь извнѣ, нарушаетъ эти рамки, въ ничтожномъ матеріалѣ психики не находитъ данныхъ для своего объясненія. Жизнь безъ познанія стихійна, власть природы надъ нею безраздѣльна.

III.

При всей своей неподвижности первобытный міръ обладаетъ своими собственными силами развитія. Это, конечно, стихійныя, біологическія силы: размноженіе, перенаселеніе, голодъ... Онѣ вынуждаютъ развитіе, и оно совершается—въ долгомъ ряду тысячелѣтій, съ такой медленностью, которая недоступна нашему воображенію.

Сначала это развитіе имѣетъ чисто-количественный характеръ: поле опыта расширяется, сумма переживаній возрастаетъ,—но «общество» остается комплексомъ *однородныхъ* единицъ, «человѣкъ» — существомъ *цѣльнымъ* и *стереотипнымъ*. Это продолжается до извѣстнаго предѣла, за которымъ измѣненія становятся *качественными*.

Сумма коллективнаго опыта возрастаетъ до такихъ размѣровъ, что отдѣльный человѣкъ овладѣваетъ ею только въ позднихъ стадіяхъ своей жизни, да и то не каждый въ полной мѣрѣ. Тогда выдѣляется старшій въ родѣ, какъ носитель *всего* опыта группы, въ противоположность остальнымъ ея членамъ, располагающимъ лишь *неполнымъ* опытомъ.

Первоначальная однородность отношеній внутри группы шагъ за шагомъ исчезаетъ. Одинъ, опираясь на свой накопленный опытъ, начинаетъ указывать, остальные—слѣдовать его указаніямъ. Это различіе въ дальнѣйшемъ возрастаетъ, потому что неоднородность жизненной роли людей сама обусловливаетъ неоднородность послѣдующаго развитія.

Чтобы въ предѣлахъ своей психики охватить наибольшую сумму опыта, тотъ, кто

указываетъ другимъ, все въ большей мѣрѣ суживаетъ свою «физическую» активность: онъ рѣже и рѣже дѣйствуетъ лично, чаще и чаще— черезъ другихъ; онъ превращается въ распорядителя par excellence, въ *организатора* групповой жизни. Остальные, напротивъ, сохраняютъ все меньше личной иниціативы, привыкаютъ подчиняться, становятся постоянными *исполнителями* чужихъ указаній. Относительная бѣдность ихъ жизненнаго содержанія—благопріятное условіе для такой дѣятельности: больше автоматизма, меньше колебаній, организатору легче справляться со своей задачей.

Такъ совершилось первое дробленіе человѣка—отдѣленіе «головы» отъ «рукъ», повелѣвающаго отъ повинующагося; такъ возникла *авторитарная* форма жизни. Въ дальнѣйшей исторіи человѣчества она, развиваясь и усложняясь и разрушаясь, выступаетъ въ безчисленныхъ варіаціяхъ; до сихъ поръ это—основное и главное раздѣленіе общества. Въ видѣ мягкаго матріархата и суроваго патріархата, въ видѣ облегченной религіозной тайною власти жреческой и облеченной силою оружія власти феодальной, въ видѣ чуждой всякихъ формальностей

системы рабства и полной холоднаго формализма системы наемнаго труда, въ видѣ безсмысленно-тупого восточнаго деспотизма и западно-культурной власти избранника, въ въ видѣ бумажно-сухой власти бюрократа надъ обывателями и опирающейся на нравственную силу власти идеолога надъ его согражданами,—во всѣхъ этихъ измѣняющихся формахъ авторитарное дробленіе человѣка сохраняетъ одну и ту же основу; отчетливо или смутно, опытъ одного человѣка признается принципіально неравнымъ опыту другого, зависимость человѣка отъ человѣка становится односторонней, воля активная отдѣляется отъ воли пассивной.

IV.

Дробленіе человѣка вызываетъ дробленіе міра.

Дѣло начинается съ того, что мышленіе людей перестаетъ быть «сплошнымъ», что одинъ человѣкъ въ ихъ сознаніи отдѣляется отъ другого, какъ особый, своеобразный міръ опыта. Возникаетъ «я»—центръ отдѣльныхъ интересовъ и стремленій. Но оно находится еще въ самомъ началѣ своего раз-

витія: это «я»—личность организатора; ему нѣтъ еще антитезы въ видѣ другихъ «я», которыя бы съ нимъ сталкивались, какъ независимыя отъ него единицы; передъ нимъ только подчиненныя единицы, которыя съ нимъ неразрывно связаны, какъ низшіе органы его организма. Организаторъ не можетъ вполнѣ отдѣлить себя, какъ самостоятельное «я», отъ исполнителей: онъ имъ соотносителенъ, безъ нихъ онъ немыслимъ, какъ и они безъ него; логической невозможностью является и организаторъ безъ исполнителей, и исполнители безъ организатора.

Дальше, авторитарное дробленіе распространяется на всю природу, сохраняя тотъ же характеръ соотносительности и связности.

Первобытному мышленію міръ представлялся какъ хаосъ *дѣйствій*, потому что именно въ формѣ дѣйствій являлась человѣку его собственная борьба за жизнь. При этомъ «дѣйствіе» выступало въ сознаніи какъ единый и цѣльный жизненный актъ среди другихъ такихъ актовъ.—Теперь же «дѣйствіе» дробится въ опытѣ, разлагается на два отдѣльныхъ момента,—на активно-

организаторскую волю и пассивное ея выполненіе. И вся природа, какъ міръ дѣйствій, становится такой же двойственной: во всякомъ явленіи принимается активная воля, какъ опредѣляющее, и пассивная сила, какъ опредѣляемое: это «духъ» и «тѣло». Самъ человѣкъ—явленіе въ ряду явленій—подвергается такому раздвоенію на ряду со всѣмъ остальнымъ; онъ пріобрѣтаетъ «душу», какъ пріобрѣтаютъ ее въ то же время камни, растенія, животныя, свѣтила. *Развивается анимизмъ, какъ всеобщая форма мышленія.*

Нѣтъ надобности спеціально доказывать, что отношеніе «духа» и «тѣла» есть именно авторитарное отношеніе господства и подчиненія, высшаго и низшаго. Но и фактически, насколько мы знаемъ исторію первобытнаго человѣчества, этотъ дуализмъ именно тамъ и тогда возникаетъ въ сознаніи людей, гдѣ и когда въ общественной системѣ уже существуетъ авторитарное дробленіе. И дальше, по мѣрѣ того, какъ авторитарное дробленіе развивается, усложняется, мѣняетъ свои формы, то же самое происходитъ съ авторитарнымъ дуализмомъ мышленія. Когда обширные ряды явленій сознаніе группируетъ въ сложныя единства, то за каждымъ

такимъ рядомъ выступаетъ организующая его высшая сила, и божества политеизма занимаютъ свои почетныя мѣста въ человѣческомъ мышленіи. Когда развивающееся познаніе достигаетъ объединенія всѣхъ рядовъ опыта въ Universum, въ міровое цѣлое, тогда наступаетъ эпоха единобожія. Когда противорѣчія соціальной жизни, отражаясь въ психикѣ личности, порождаютъ *этическое* міровоззрѣніе, тогда человѣкъ раздваиваетъ собственное сознаніе противополагая въ немъ высшія стремленія низшимъ, разумный долгъ—слѣпымъ инстинктамъ... Дуализмъ и религіозное сознаніе дороги именно тѣмъ классамъ общества, которые живутъ въ атмосферѣ авторитарныхъ отношеній по преимуществу, которые тяготѣютъ къ власти и подчиненію. Гдѣ расцвѣтаетъ авторитарная жизнь, тамъ расцвѣтаетъ и дуалистически-религіозное міропониманіе; и въ такой же связи совершается ихъ упадокъ...

Авторитарный дуализмъ есть исторически-первая форма «міровоззрѣнія»: до него не было той связи опыта, для которой подходило бы это слово. Вмѣстѣ съ авторитарнымъ дуализмомъ возникло то, что мы на-

зываемъ «познаніемъ»: различая въ явленіяхъ активное и пассивное начало, человѣкъ тѣмъ самымъ уже «объясняетъ» черезъ первое проявленія второго. Это, разумѣется, только начало познавательнаго развитія; цѣпь «объясненія», цѣпь причинности обрывается здѣсь уже на второмъ звенѣ: если явленіе имѣетъ свою причину въ собственной «душѣ», то дальше этой души объясненію итти некуда. Но подобно тому, какъ авторитарныя отношенія, расширяясь, развертывались въ длинные ряды послѣдовательныхъ звеньевъ, усложнялась и развертывалась также цѣпь причинности; въ общественной жизни людей авторитарные ряды отношеній всегда сходились въ какомъ-нибудь одномъ высшемъ авторитетѣ; и точно такъ же познаніе людей стремилось сводить всѣ причинные ряды въ одной высшей первопричинѣ. Такъ познаніе отражаетъ общественную жизнь людей не только въ своемъ содержаніи, но и въ своихъ формахъ.

V.

Въ сущности, авторитарныя формы дробятъ не столько самое *содержаніе* человѣческаго опыта, сколько *отношеніе* людей къ дан-

нымъ опыта. Такъ, кто повелѣваетъ, и тотъ, кто подчиняется, неминуемо съ *различной* точки зрѣнія воспринимаютъ одни и тѣ же факты.

Вторая фаза дробленія человѣка — спеціализація — идетъ въ другомъ направленіи. Здѣсь для каждаго качественно суживается *содержаніе* жизни, и коллективный опытъ оказывается раздѣленнымъ между людьми такъ, что одному достается по преимуществу одна его область, другому другая и т. д. Сапожникъ знаетъ свои колодки, купецъ свой прилавокъ, ученый свои фоліанты, жрецъ свои молитвы, философъ свои силлогизмы. Микрокосмъ дѣлается малъ и узокъ, міръ заслоняется колодками, прилавками, фоліантами, мысль вращается въ тѣсномъ кругу, и не можетъ изъ него выбраться. Это суженное существованіе неспособно къ самостоятельности и потому даже не въ силахъ окончательно вывести человѣка изъ-подъ власти авторитаризма: она сохраняется въ видѣ патріархальнаго господства отца въ семьѣ, экономическаго господства предпринимателя въ предпріятіи, политически-организаторской роли бюрократіи, идейно-организаторской роли идеологовъ и т. д.

Спеціальнымъ опытомъ опредѣляется спеціальное міровоззрѣніе. Въ сознаніи одного спеціалиста жизнь и міръ выступаютъ какъ мастерская, гдѣ каждая вещь приготовляется на свою особую колодку, въ сознаніи другого—какъ лавка, гдѣ за энергію и ловкость покупается счастье, въ сознаніи третьяго—какъ книга, написанная на разныхъ языкахъ и разными шрифтами, въ сознаніи четвертаго—какъ храмъ, гдѣ все достигается путемъ заклинаній, въ сознаніи пятаго—какъ сложная, развѣтвляющаяся схоластическая задача и т. д., и т. д. Въ мірѣ торговли и кредита вырастаетъ утилитаристъ, для котораго любое проявленіе жизни ариѳметически оцѣнивается на размѣнную монету выгоды въ атмосферѣ спеціально-правовой дѣятельности—юристъ, который даже законы природы невольно разсматриваетъ какъ нормы, извнѣ для нея установленныя и не подлежащія нарушенію; среди стихійно-могучей и гармонически-связной работы машинъ современный работникъ безсознательно усваиваетъ механическую концепцію природы... Всякій строитъ міръ по образу и подобію своего спеціальнаго опыта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ суживается возможность

взаимнаго пониманія людей. Имѣя дѣло съ различнымъ содержаніемъ опыта и создавая для этого содержанія неодинаковыя формы, члены общества, развившаго спеціализацію, говорятъ неминуемо на разныхъ языкахъ. И если бы спеціализація могла безконечно развиваться, если бы на ряду съ дробленіемъ коллективнаго опыта значительная его часть не оставалась общею для всѣхъ, то повторилась бы исторія вавилонскаго столпотворенія, и люди принуждены были бы разойтись, вслѣдствіе полнаго взаимнаго непониманія.

Спеціализація не разрушила общества, но всеже она въ высокой степени его разъединила.

VI.

Хотя спеціализація возникла среди авторитарныхъ отношеній, но, развиваясь, она перестаетъ укладываться въ рамки той или иной авторитарной группы. Въ своей обособленной сферѣ опыта каждый спеціалистъ встрѣчаетъ гораздо меньше сопротивленій, чѣмъ прежніе цѣльные люди въ своемъ разностороннемъ мірѣ; поэтому расширеніе опыта идетъ здѣсь несравненно быстрѣе. Міръ коллективный, разрастаясь одновременно по

различнымъ «спеціальнымъ» направленіямъ, достигаетъ колоссальныхъ размѣровъ по сравненію съ прежней суммой коллективнаго опыта.

Между тѣмъ, силы стараго авторитета ограничены, хотя бы потому, что форма его конкретна и персональна;—онъ воплощается въ живомъ человѣкѣ, а никакихъ силъ человѣческихъ не хватитъ на то, чтобы овладѣть всей суммой опыта, какую представляетъ жизнь спеціализированнаго общества. Коллективное цѣлое уже не можетъ сдерживаться и регулироваться одной волею, оно дробится, распадается на независимыя группы. Это—индивидуальныя хозяйства.

Центромъ каждой такой группы становится отдѣльный «спеціалистъ». Онъ участвуетъ въ соціальной жизни, какъ вполнѣ самостоятельная единица, которой ничья чужая воля не предписываетъ ни путей, ни средствъ въ ея трудовой дѣятельности. Общество, какъ цѣлое, становится неорганизованной, анархической системой, и потому оно полно противорѣчій. Живя разнородной жизнью, будучи независимы по формѣ, но постоянно сталкиваясь въ силу необходимой матеріальной связи, элементы общества ока-

зываются взаимно неприспособлены, а это значитъ—взаимно враждебны. Коллективный міръ превращается тогда въ міръ конкурренціи, борьбы интересовъ, войны всѣхъ противъ всѣхъ...

Тогда развивается и выступаетъ на первый планъ человѣческое «я».

VII.

Въ мірѣ спеціализаціи уже одно различіе жизненнаго опыта вмѣстѣ съ его результатомъ — неполнымъ взаимнымъ пониманіемъ людей — глубоко отграничиваетъ человѣка отъ человѣка въ ихъ сознаніи. Это отграниченіе упрочивается благодаря внѣшней независимости отдѣльной личности, отъ другихъ, въ ея трудовой дѣятельности. Оно завершается на основѣ взаимной борьбы людей, вытекающей изъ противорѣчія ихъ жизненныхъ интересовъ.

Реально противополагаясь другимъ «я», человѣческое «я» становится самостоятельнымъ центромъ интересовъ и стремленій. Молотъ общественнаго антагонизма выковываетъ индивидуалистическое сознаніе.

Передъ нами уже не то соотносительное

«я» авторитарнаго міра, которое не можетъ представить себя безъ исполнительскаго «ты»: передъ нами «я» абсолютное, «я» für sich, чуждое сознанія своей органической связи съ другими «я» и всѣмъ міромъ.

Старый авторитетъ не въ силахъ примириться съ этимъ развивающимся анархическимъ сознаніемъ—онъ вступаетъ въ борьбу съ нимъ, пытается подавить его. Въ борьбѣ съ авторитетомъ индивидуализмъ становится *освободительнымъ* теченіемъ. Эта его роль имѣетъ громадное историческое значеніе; но она исторически преходяща. Въ старыхъ революціяхъ XVII и XVIII вѣка она выступаетъ еще въ полной силѣ; въ революціяхъ нашего времени борьба индивидуализма противъ авторитарнаго прошлаго все болѣе отступаетъ передъ его борьбой противъ соціалистическаго будущаго.

VIII.

«Абсолютное» индивидуальное «я» выражаетъ собою соціально-раздробленный опытъ и жизненное противоположеніе человѣка человѣку. Понятно, что единство общественнаго цѣлаго—внѣ его поля зрѣнія. И это

единство не только невидимо для личности,—оно, кромѣ того, несовершенно, стихійно, неорганизовано; оно полно жизненныхъ противорѣчій. Личность *ниже* этихъ противорѣчій недоступнаго и непонятнаго ей цѣлаго, она безсильна передъ ними; стихійныя силы общественной жизни господствуютъ надъ человѣкомъ.

Каковъ опытъ, таково мышленіе. Оно индивидуалистично, его вѣчнымъ центромъ является «я», «абсолютное», оторванное отъ общественнаго — и тѣмъ болѣе отъ мірового цѣлаго: это «я»—«субъектъ», противостоящій всему остальному, какъ «объекту»; въ безконечномъ ряду явленій дѣйствительности оно не находитъ себѣ мѣста. Оно мучительно чувствуетъ господство надъ собою какихъ-то темныхъ стихійныхъ силъ,— но эти силы переходятъ за предѣлы его опыта, онѣ сверхъ - индивидуальны; и свое смутное представленіе о нихъ человѣкъ воплощаетъ въ безличныхъ абстракціяхъ метафизики, съ ихъ неопредѣленнымъ, колеблющимся содержаніемъ. Вся жизнь, весь міровой процессъ представляются тогда сознанію «проявленіемъ» таинственныхъ, безлично-абстрактныхъ реальностей, глубоко скры-

тыхъ подъ корою «видимаго» міра, какъ его непознаваемая «сущность».

Въ философскихъ головахъ эти метафизическія формы мышленія получаютъ только наиболѣе чистую и тонкую отдѣлку; но онѣ характерны для *всякаго* индивидуалистическаго сознанія, какъ бы ни было смутно и неуклюже ихъ выраженіе въ психикѣ неученаго обывателя.

IX.

Воплощая въ себѣ раздробленный, противорѣчивый опытъ, индивидуалистическое сознаніе необходимо становится жертвою «проклятыхъ вопросовъ». Это тѣ безнадежно-безплодные вопросы, на которые вотъ уже столько вѣковъ «глупецъ ожидаетъ отвѣта». Что я такое? — спрашиваетъ онъ, — и что этотъ міръ? Откуда все это? Зачѣмъ? Почему столько зла въ мірѣ? и т. д., до безконечности.

Присмотритесь къ этимъ вопросамъ, и вамъ станетъ ясно, что это—вопросы раздробленнаго человѣка. Именно ихъ должны были бы задавать себѣ разъединенные органы одного организма, если бы продолжали жить и могли спрашивать.

Что я такое?—развѣ это не самый естественный вопросъ для какого-нибудь пальца руки, оторваннаго отъ тѣла? Зачѣмъ я? откуда?—какъ не спрашивать объ этомъ живой части, потерявшей связь со своимъ жизненнымъ цѣлымъ? И неминуемымъ дополненіемъ этихъ вопросовъ выступаютъ другіе—относительно того цѣлаго, которое необходимо и въ то же время недоступно для своей части: что такое міръ, зачѣмъ онъ, откуда? А тамъ, гдѣ проходитъ разрывъ живой ткани, отдѣляющій органъ отъ тѣла — тамъ чувствуется мучительная непонятная боль—и вотъ вопросы о злѣ въ жизни.

Безнадежность вопросовъ вытекаетъ изъ того, что никакіе отвѣты на нихъ все равно не могутъ и не должны удовлетворить индивидуалистическаго сознанія. Вѣдь эти вопросы выражаютъ муки разорванной жизни—и пока она остается разорванной, никакой отвѣтъ не прекратитъ боли, потому что на боль вообще не можетъ быть отвѣта. Здѣсь все безполезно; даже когда развивающаяся критика докажетъ, что эти вопросы невѣрно поставлены, не имѣютъ смысла, основаны на ложныхъ посылкахъ—даже тогда индивидуалистическое сознаніе не перестанетъ

задавать ихъ, потому что критика не въ силахъ *реально* преобразовать это сознаніе, не въ силахъ превратить его изъ жизненной дроби въ цѣлое.

X.

Спеціализація не устранила авторитарнаго дробленія человѣка; она только ограничила его поле и создала для него новыя рамки. «Спеціалистъ» — ремесленникъ, крестьянинъ, ученый — не только внѣшнимъ образомъ независимъ въ своей дѣятельности, но онъ еще «авторитетъ» въ предѣлахъ той маленькой группы, съ которой связанъ прямой жизненной связью: онъ «глава» своей семьи — своего хозяйства. «Мѣщанскій міръ» — это міръ авторитарно-индивидуалистическій.

Блестящій представитель этого міра Людвигъ Бёрне опредѣлялъ, помнится, свободу, какъ деспотизмъ въ извѣстной, ограниченной сферѣ. Эта сфера прежде всего, конечно, семья; и потому великій либералъ горячо отстаивалъ рабство женщины и дѣтей.

Мышленіе мѣщанскаго міра естественно совмѣщаетъ въ себѣ и авторитарный дуализмъ, и индивидуалистическую разорван-

ность. Оно религіозно и метафизично. Его Universum раздвоенъ по всей линіи и полонъ таинственныхъ противорѣчій.

XI.

Дробленіе человѣка порождаетъ не только неполноту жизни, раздвоенность опыта, разорванность міра; оно порождаетъ реальныя жизненныя противорѣчія, и черезъ нихъ— развитіе.

Въ раздробленномъ человѣкѣ со стихійной силою возникаетъ потребность стать цѣлымъ. Она несетъ ему тяжелыя муки неудовлетворенности, но и толкаетъ его на путь борьбы за ея удовлетвореніе. На этомъ пути совершается *собираніе человѣка*.

Процессъ этотъ жизненно-сложнѣе и потому жизненно труднѣе, чѣмъ процессъ дробленія. Такимъ образомъ, пока этотъ послѣдній развивается прогрессивно, первый неминуемо отстаетъ отъ него все болѣе. Въ результатѣ—хотя собираніе человѣка постоянно *вызывается* дробленіемъ и идетъ за нимъ слѣдомъ, но оно имъ совершенно *маскируется* въ теченіе долгихъ періодовъ жизни человѣчества. Только тогда, когда про-

цессъ дробленія замедляется и пріостанавливается, только тогда процессъ собиранія выступаетъ на первый планъ и налагаетъ свою печать на развитіе жизни человѣчества.

Новѣйшее время исторіи является эпохой собиранія человѣка.

XII.

Въ спеціализированномъ обществѣ потребность объединить, собрать раздробленный опытъ достигаетъ такой силы, что вызываетъ *сознательныя* попытки въ этомъ направленіи. Эти попытки носятъ названіе «философіи». Задача философіи—гармонически-единое мышленіе міра—совпадаетъ съ задачей собиранія человѣка, потому что міръ есть вся сумма доступнаго людямъ опыта.

Пока дробленіе человѣка прогрессивно развивалось, работа философіи была работою Сизифа. Это была мучительная трагедія героическихъ умовъ, вновь и вновь повторявшихъ безнадежныя усилія связать тонкими, свѣтлыми нитями идей глубоко разорванную и все дальше расползающуюся ткань міра.

На извѣстной стадіи развитія этой трагедіи въ нее вступаетъ элементъ комическаго.

Философъ дѣлается *спеціалистомъ*, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе узкимъ. У него оказывается своя спеціальная область опыта — область словъ, выражающихъ попытки объединенія опыта. Онъ перестаетъ быть энциклопедистомъ, какимъ былъ раньше, и уже не стремится быть имъ. Онъ замыкается въ спеціальность и становится ходячимъ противорѣчіемъ: оторванный кусокъ, серьезно занимающійся сшиваніемъ цѣлаго.

Идя по этому пути, философъ все больше превращается въ филистера. Его дѣятельность становится систематическимъ штопаньемъ дыръ мірозданія бумажной тканью его ночного колпака. Таковъ преобладающій типъ современныхъ гносеологовъ и метафизиковъ. Безполезность ихъ усилій только смѣшна, ихъ судьба—фарсъ, а не трагедія.

Каждый изъ нихъ искренно считаетъ себя наслѣдникомъ философскихъ геніевъ прошлаго—героевъ борьбы за единство міра и человѣка—и не замѣчаетъ, что въ дѣйствительности онъ только плохой портной, не болѣе.

Филистерская философія, разумѣется, безполезна и даже вредна для дѣла собиранія человѣка. Оно осуществляется помимо нея,

не схоластической болтовней, а самой жизнью Сама жизнь становится «философіей».

XIII.

Самый живой, самый типичный и яркій примѣръ собиранія человѣка мы найдемъ именно тамъ, гдѣ дробленіе человѣка дошло до послѣдней крайности.

Предѣлъ дробленія человѣка—это детальный работникъ мануфактуры. Уже ремесленникъ былъ «узкимъ спеціалистомъ», дробью человѣка по содержанію и по объему опыта; но работникъ мануфактуры сдѣлался мелкой частью ремесленника. Одинъ всю жизнь обтачивалъ остріе иголокъ, другой—всю жизнь пробивалъ ушко... Это были люди-машины.

Они и отупѣли почти до степени машинъ. И чѣмъ больше каждый изъ нихъ тупѣлъ, утрачивая жизнь и индивидуальность, тѣмъ лучше онъ былъ въ качествѣ машины—и тѣмъ выгоднѣе для того, кто надъ нимъ господствовалъ и имъ пользовался.—Выгода и привела къ полному устраненію этой индивидуальности и этой жизни: детальнаго работника замѣнила *машина*, и это оказалось возможно и сравнительно

легко—до такой степени онъ былъ раздробленъ и упрощенъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ явился новый типъ труда: работникъ машиннаго производства.

Работникъ мануфактуры былъ мыслимъ только какъ *исполнитель* чужихъ указаній: онъ былъ машиной, а машиной надо управлять. Работникъ при машинѣ—тоже исполнитель, но *не только* это: онъ *управляетъ* машиною. Онъ направляетъ и контролируетъ дѣятельность механизма,—работа по своему психическому содержанію того же типа, какъ дѣятельность организатора, направлявшаго и контролировавшаго трудъ мануфактурныхъ работниковъ. «Организаторскія» качества — интеллигентность, вниманіе — нужны машинному работнику даже въ большей степени: детальнаго работника понимать было легко, и слушался онъ почти всегда; но машину понимать зачастую гораздо труднѣе, и она нерѣдко перестаетъ слушаться...

Такъ въ мірѣ техники дѣлается важный шагъ на томъ пути, на которомъ преодолѣвается основное — авторитарное — дробленіе человѣка: возникаетъ психическій типъ, совмѣщающій организаторскую и исполнитель-

скую точку зрѣнія въ одной непосредственно-цѣльной дѣятельности.

Этого мало. Требуя отъ работника интеллигентности и вниманія, машина въ то же время *сама по себѣ* вовсе не способна удовлетворить вызваннымъ ею запросамъ. Работа при машинѣ пуста, мало содержательна; она только время отъ времени полностью занимаетъ интеллектъ и вниманіе. Приходится искать для нихъ иной пищи, чтобы заполнить пустоту. Развиваются умственные интересы, стремленіе углубить и расширить опытъ—интересы и стремленія, направленные къ собиранію человѣка.

Но какъ удовлетворить ихъ? Объ этомъ заботится капиталъ. Онъ собираетъ *людей*,—и это ведетъ къ собиранію человѣка.

Капиталъ объединяетъ людей большими массами за общей работой. Имъ надо только *понимать* другъ друга, чтобы взаимно расширять и углублять свой опытъ. И къ этому взаимному пониманію нѣтъ прежнихъ препятствій, потому что тутъ передъ нами уже люди, а не спеціализированныя машины мануфактуръ.—При какихъ бы различныхъ машинахъ ни находились машинные работники, въ общемъ характерѣ и содержаніи ихъ тру-

да всегда много сходнаго; и это сходство все болѣе возрастаетъ, по мѣрѣ того какъ машина совершенствуется и приближается къ своему идеалу—автоматическому механизму. Такимъ образомъ, общности опыта достаточно для взаимнаго пониманія при общеніи. И общеніе развивается.

Такъ шагъ за шагомъ преодолѣвается вторая форма дробленія человѣка—специализація.

XIV.

На основѣ общности опыта, какъ той, которая дана непосредственно, такъ и той, которая развивается путемъ общенія, возникаютъ, далѣе, новыя и болѣе совершенныя формы собиранія человѣка.

Типичнѣйшая изъ этихъ формъ есть групповое и классовое самосознаніе. Оно расширяетъ индивидуальный опытъ до группового и болѣе широкаго—классового, индивидуальные интересы и стремленія до групповыхъ и затѣмъ классовыхъ. Это—необходимая стадія собиранія человѣка.

На ея почвѣ въ свою очередь возникаютъ различныя новыя формы и комбинаціи собиранія людей,—экономическіе, политическіе,

идейные союзы, партіи, доктрины. Однѣ изъ нихъ оказываются болѣе жизнеспособными, другія менѣе; однѣ развиваются другія распадаются. Но въ конечномъ счетѣ, прямо и косвенно, всѣ онѣ служатъ дѣлу собиранія человѣка.

XV.

Машина родилась въ мірѣ конкурренціи, общественнаго антагонизма. Эту конкурренцію, этотъ антагонизмъ она, какъ извѣстно, обострила, довела до крайности. Но тѣмъ самымъ она обострила и усилила *потребность развитія*.

Для конкурренціи становится необходимымъ непрерывное, планомѣрное совершенствованіе техники въ каждой данной ея области. Потребность эта удовлетворяется выработкой общихъ техническихъ методовъ.

Общіе методы техники ведутъ къ тому, что всѣ машины шагъ за шагомъ приближаются къ высшему ихъ типу—автоматическому механизму. Этотъ процессъ не только прямо и непосредственно уменьшаетъ значеніе спеціализаціи, увеличивая сходство различныхъ формъ труда, — онъ имѣетъ еще иное, косвенное, но громадное значеніе для дѣла собиранія человѣка.

Наука въ своей основѣ есть систематизація техники: ея матеріаломъ является «трудъ, который есть опытъ, и опытъ, который есть трудъ». *Общіе техническіе методы она выражаетъ и отражаетъ въ общихъ методахъ познанія.* Она становится монистичной.

Всеобщій научный законъ сохраненія и превращенія энергіи есть именно всеобщій техническій принципъ машиннаго производства: онъ выражаетъ собою тотъ основной фактъ всякаго человѣческаго труда, что работа необходимо почерпается изъ какого-нибудь наличнаго запаса силъ. А дополняющій собою законъ энергіи всеобщій ограничительный законъ энтропіи отражаетъ собою всеобщую ограниченность человѣческой техники: наличный запасъ энергіи никогда не можетъ быть всецѣло, полностью использованъ человѣкомъ.

Такъ систематизируется весь коллективный опытъ въ объединяющія формы познанія, доступныя психикѣ отдѣльнаго человѣка. Знаніе общихъ методовъ замѣняетъ знакомство съ безконечными деталями. Не спеціалистъ тогда въ любой спеціальной области перестаетъ чувствовать себя чуждымъ:

ему, конечно, многія частности и мелочи *неизвѣстны*, но все въ общемъ для него *понятно*, и съ каждой изъ этихъ частностей и мелочей онъ можетъ легко ознакомиться, какъ только пожелаетъ. Спеціалистъ же остается такимъ лишь въ сферѣ деталей; а въ сферѣ методовъ—т.-е. во всей *активной* сторонѣ своего спеціальнаго опыта—онъ уже человѣкъ.

Спеціалистъ прежняго типа становится не только уродливой, но и безполезной фигурой; онъ не въ силахъ ничего создать въ своей области, потому что пріемы его стереотипны, а техника узка и бѣдна. Въ лучшемъ случаѣ онъ годится еще для собиранія фактовъ, но и тутъ зачастую приноситъ вредъ вмѣсто пользы, не умѣя разобраться въ этихъ фактахъ, безъ толку ихъ нагромождая или даже безсознательно ихъ искажая соотвѣтственно своей отжившей точкѣ зрѣнія.—Когда же онъ выступаетъ въ область широкихъ обобщеній, то оказывается прямо реакціонеромъ: въ біологіи онъ—виталистъ, въ экономической наукѣ «Grenz-nützler», въ философіи — метафизикъ, повсюду—схоластикъ. Тутъ онъ еще вреденъ, но для развивающагося познанія уже не страшенъ; его

величественная мина вызываетъ только веселый смѣхъ молодой критики.

На смѣну старому филистеру-спеціалисту приходитъ новый типъ ученаго: широко образованный, монистически мыслящій, соціально живущій. Въ немъ выражается сознательно-систематическое собираніе человѣка; оно идетъ чѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе, потому что находитъ себѣ опору въ стихійно-общественномъ процессѣ. Лучшимъ, почти идеальнымъ воплощеніемъ этого типа былъ тотъ, кто первый далъ монистическое пониманіе общественной жизни и развитія—великій философъ-боецъ Карлъ Марксъ.

XVI.

Собираніе человѣка происходитъ различными путями: я указалъ изъ нихъ только основные — въ сферѣ техники и познанія. Прослѣживать всѣ производные—въ области «политическихъ», «правовыхъ», «нравственныхъ» отношеній—было бы слишкомъ долго. Важно то, что каждый новый шагъ на этомъ пути облегчаетъ дальнѣйшее, увеличивая связь и взаимное пониманіе тѣхъ элементовъ человѣчества, которые вовлечены въ про-

цессъ «собиранія». Слѣдовательно, какъ ни труденъ, какъ ни мучителенъ порою этотъ процессъ, но съ каждой новой своей фазой онъ осуществляется все легче. Скорость его возрастаетъ.

XVII.

Куда же ведетъ эта линія развитія? Къ превращенію человѣка—дроби, въ человѣка-цѣлое. Но что это значитъ?

Должно ли при этомъ получиться возвращеніе къ первобытному типу стихійно-цѣлостной жизни, когда опытъ каждаго и опытъ всѣхъ совпадали, когда человѣкъ былъ стереотипно-повторяющимся элементомъ недифференцированнаго цѣлаго? Конечно, нѣтъ.

По мѣрѣ завоеванія человѣкомъ природы сумма коллективнаго опыта возрастаетъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что ее нельзя себѣ представить полностью вмѣщающейся въ каждую отдѣльную психику. И самый процессъ собиранія человѣка, насколько онъ намъ извѣстенъ, направленъ вовсе не къ такому чудовищному распуханію человѣческой души.

Дѣло идетъ о возрастающей общности *основного содержанія* опыта, а не безчислен-

ныхъ частныхъ переживаній; о возможности *полнаго взаимнаго пониманія* людей, а не объ ихъ психическомъ тожествѣ; о способности каждаго во всякое время *овладѣть* какой угодно частью опыта другихъ людей, а не о фактическомъ обладаніи всѣмъ этимъ опытомъ.

Первобытная цѣльность основывалась на ограниченности жизни и соединялась съ крайнимъ ея консерватизмомъ; та новая цѣльность, къ которой ведетъ собираніе человѣка, должна охватить громадное богатство жизни и дать просторъ ея безпредѣльному развитію. Первая имѣетъ статическій характеръ, вторая—динамическій; первая является *привычною*, вторая — *пластичною*; сущность первой составляетъ простота, сущность второй—гармонія.

Вы смотрите вокругъ себя, въ полѣ вашего зрѣнія развертывается безконечный міръ. Въ вашихъ глазахъ лучи свѣта рисуютъ изображенія предметовъ; это уменьшенныя, но «вѣрныя» изображенія. Одни предметы ближе къ вамъ и воспринимаются съ большею детальностью, другіе дальше и воспринимаются лишь въ общихъ чертахъ, третьи въ данный моментъ недоступны ва-

шему зрѣню. Для другого человѣка всѣ отношенія иныя: онъ видитъ тѣ предметы, которыхъ вы не видите, и, наоборотъ, для него съ мелкими подробностями выступаютъ такія части среды, которыя вамъ являются лишь въ видѣ смутныхъ контуровъ, и т. д. Словомъ, поле зрѣнія у него *другое*. Но вамъ стоитъ только подойти или приложить къ глазамъ бинокль, чтобы разглядѣть любой изъ ближайшихъ къ нему предметовъ настолько же ясно и детально, насколько онъ его видитъ. Зрительный міръ у васъ обоихъ *одинъ и тотъ же*, и оба вы располагаете *общими методами*, чтобы зрительно «овладѣть» любой частью этого міра.

Однако если вы живете на маленькомъ островѣ, котораго не можете покинуть, или если вы не знаете употребленія оптическихъ инструментовъ, которыми пользуются другіе, то для васъ зрительный міръ не тотъ, что для другихъ людей, и вамъ «непонятны» ихъ описанія другихъ странъ, ихъ сообщенія относительно формы и движенія планетъ и тому подобныя высказыванія.

Подставьте въ обоихъ случаяхъ вмѣсто зрительнаго міра коллективный опытъ, и вы получите антитезу между гармонической

жизнью будущаго, къ которой ведетъ собираніе человѣка, и современной отживающей спеціализаціей. Если человѣкъ владѣетъ выработанными общими методами познанія и практики, то стоитъ ему «подойти» съ этими методами къ любому вопросу, къ любой жизненной задачѣ и онъ разрѣшитъ этотъ вопросъ, эту задачу, хотя они внѣ его «спеціальности». А при старой спеціализаціи человѣкъ «подойти» не въ силахъ, общихъ методовъ не имѣется,—для разрѣшенія частнаго вопроса частной задачи надо овладѣть цѣлой новой спеціальностью, что можетъ потребовать всей жизни человѣка.

Когда въ опытѣ каждаго имѣется уменьшенное, но вѣрное и гармоничное отраженіе опыта всѣхъ, когда въ переживаніяхъ другого никто не находитъ ничего принципіально недоступнаго и непонятнаго, тогда «спеціальный» трудъ такъ же мало отрываетъ человѣка отъ коллективной жизни, какъ данное поле зрѣнія отрываетъ его отъ всего зрительнаго міра. Тогда жизнь можетъ свободно расширяться во всякомъ данномъ направленіи, не уродуясь, не искажаясь, не дѣлаясь болѣзненно-односторонней.

Къ этому ведетъ собираніе человѣка.

XVIII.

Человѣкъ—отраженіе общества. Какимъ же общественнымъ отношеніямъ соотвѣтствуетъ новый, развивающійся типъ человѣческой жизни?

Принципіальное равенство опыта, соединенное съ полнымъ взаимнымъ пониманіемъ людей, можетъ явиться только результатомъ широкаго общенія людей при полномъ равенствѣ ихъ взаимнаго положенія. Этимъ условіямъ соотвѣтствуетъ только одинъ типъ отношеній между людьми—отношенія *товарищескія*. Отношенія эти по существу враждебны всякимъ перегородкамъ между людьми—всякому подчиненію и суженію, — всякому дробленію человѣка.

Собираніе человѣка и совершается въ дѣйствительности именно тамъ и постольку, гдѣ и поскольку ношенія авторитаризма и спеціализаціи смѣняются товарищескими.

Доказывать это нѣтъ надобности; подробно выяснять—здѣсь не приходится.

XIX.

Несомнѣнно, что всеобщія товарищескія отношенія и полное взаимное пониманіе лю-

дей означаютъ уничтоженіе общественныхъ противорѣчій и антагонизмовъ.

Здѣсь возникаетъ вопросъ о *силахъ развитія.*

Противники товарищескихъ отношеній утверждаютъ, что сами по себѣ эти отношенія застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми — въ видѣ войнъ, конкурренціи, групповаго антагонизма, наконецъ, хотя бы ослабленнаго психическаго отраженія этой борьбы — соревнованія,—только она, по ихъ мнѣнію, вызываетъ развитіе и гарантируетъ его непрерывность. Гдѣ есть гармонія, тамъ некуда и не зачѣмъ итти дальше.

Такъ ли это?

Развѣ жизненная борьба прекращается съ прекращеніемъ борьбы между людьми? Развѣ стихійная природа заключаетъ тогда миръ съ человѣческимъ сознаніемъ? Развѣ страданія, смерть, непознанное нашего міра и неизвѣстное другихъ, отдаленныхъ міровъ перестаютъ окружать человѣка? Развѣ великій врагъ раскрываетъ ему тогда свои объятія?

Борьба человѣка противъ человѣка—это только дорогая цѣна, которою покупается *стихійное* развитіе. Масса силъ безплодно

растрачивается на эту борьбу, и только небольшая часть ихъ идетъ прямо на то, чтобы сдѣлать человѣка сильнѣе и совершеннѣе. Съ прекращеніемъ такой растраты силъ начинается эпоха *сознательнаго* развитія.

Тамъ, гдѣ опытъ каждаго непрерывно получаетъ новое и новое содержаніе изъ опыта всѣхъ, гдѣ изъ взаимнаго общенія людей для каждаго непрерывно возникаютъ новые и новые вопросы и задачи, гдѣ гармоническое объединеніе коллективныхъ силъ даетъ каждому возможность вступать въ общую борьбу противъ стихійной природы съ увѣренностью въ побѣдѣ,—тамъ не можетъ быть вопроса о стимулахъ развитія.

Кто считаетъ борьбу между людьми необходимымъ условіемъ ихъ развитія, тотъ просто обобщаетъ свой узкій опытъ, грубо перенося прошлое въ будущее. Нерѣдко человѣкъ, воспитанный на розгѣ, считаетъ невозможнымъ безъ ея помощи научить дѣтей чему-нибудь. Это та же логика.

Собираніе человѣка ведетъ не къ застою, а къ смѣнѣ одного типа развитія другимъ: дисгармоническаго развитія человѣчества раздробленнаго — гармоническимъ развитіемъ объединеннаго человѣчества.

Въ сущности, дробленіе человѣка никогда не было *только* дробленіемъ. Оно совершалось гораздо больше путемъ односторонняго развитія, чѣмъ путемъ сокращенія жизни, гораздо больше путемъ гипертрофіи одной ея стороны, чѣмъ путемъ атрофіи другихъ сторонъ. *Полнота жизни* при этомъ не уменьшалась, а возрастала.

Даже самый узкій спеціалистъ нашего времени—какой-нибудь кузнецъ, выковывающій одни гвозди, или запыленный гносеологъ, видящій жизнь только черезъ тусклыя стекла своего кабинета,—даже они обладаютъ неизмѣримо большимъ богатствомъ переживаній, чѣмъ первобытно-цѣлостный человѣкъ временъ давно минувшихъ. И таково же должно оказаться различіе суммы жизни для односторонняго, противорѣчиво развивающагося человѣка нашихъ временъ—и для того гармоничнаго, разносторонняго существа, которое его смѣнитъ.

При громадномъ количественномъ различіи опыта и при коренномъ несходствѣ самаго типа жизни представитель одной фазы развитія человѣчества не въ силахъ даже понять представителя другой фазы, не въ силахъ конкретно вообразить его психиче-

скую жизнь; изслѣдуя ее, онъ можетъ только абстрактно характеризовать ея основныя черты, какъ дѣлаю это я по отношенію къ типу доисторическаго прошлаго и къ типу исторически намѣчающагося будущаго.

Тутъ возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли смыслъ однимъ и тѣмъ же словомъ «человѣкъ» обозначать существа настолько разнородныя?

И да, и нѣтъ. Да, потому, что цѣпь развитія здѣсь все же непрерывна. Нѣтъ, потому, что мало пользы въ объединяющемъ *понятіи* тамъ, гдѣ реальныя различія преобладаютъ надъ сходствомъ, гдѣ нѣтъ психической связи и единства, достаточныхъ для взаимнаго *пониманія* живыхъ существъ.—Очевидно, что *«нѣтъ»* здѣсь вѣрнѣе, чѣмъ *«да»*.

Итакъ, что же такое человѣкъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ вся обрисованная картина развитія.

Признаемъ ли мы человѣкомъ существо эмбріонально-простое, стихійное, чуждое развитія? Мнѣ кажется, нѣтъ.

Признаемъ ли мы человѣкомъ существо неполное, часть оторванную отъ своего цѣлаго, дисгармонически развивающуюся? Мнѣ кажется, нѣтъ.

Но если человѣкомъ мы признаемъ существо развитое, а не эмбріональное, цѣлостное, а не дробное, то нашъ выводъ будетъ такой:

Человѣкъ еще не пришелъ; но онъ близко, и его силуэтъ ясно вырисовывается на горизонтѣ.

II.

Цѣли и нормы жизни.

I.

Прошло всего нѣсколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ жизнь человѣчества перестала быть голою «борьбой за существованіе». Цѣлыя тысячи вѣковъ весь ея смыслъ, все содержаніе сводились къ простому ея *сохраненію*, къ ея отстаиванію противъ грозныхъ и враждебныхъ силъ внѣшняго міра. Всѣ усилія людей направлялись къ тому, чтобы только избѣгнуть ея крушенія и гибели, чтобы только поддерживать ее, поддерживать *такою, какова она есть*; при ея слабости и неустойчивости малѣйшее измѣненіе угрожаетъ ей страшной опасностью, почти неминуемымъ разрушеніемъ; и человѣкъ чувствуетъ непреодолимый ужасъ передъ всѣмъ новымъ и необычнымъ въ своей собственной жизни, какъ и въ окружающей природѣ.

Все это вполнѣ естественно и законно. Когда чуть теплится огонекъ жизни, всякое колебаніе для него опасно, грозитъ погасить его безповоротно. Стихійныя вліянія внѣшняго міра не могутъ не порождать время отъ времени стихійныхъ измѣненій въ природѣ людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; но измѣненія эти безконечно чаще гибельны, чѣмъ полезны для жизни; они нарушаютъ сложившееся равновѣсіе жизни, а въ ней нѣтъ элементовъ для того, чтобы произвести новое, высшее; и тогда ея паденіе неизбѣжно. Отсюда *стихійный консерватизмъ* первобытной жизни, отсюда то громадное внутреннее сопротивленіе, которое оказываетъ она всякому развитію, всякому преобразованію. этотъ консерватизмъ и это сопротивленіе такъ долго царили надъ человѣчествомъ безраздѣльно, что ихъ не успѣло изгладить все движеніе исторической жизни, и слѣды ихъ на каждомъ шагу даютъ себя чувствовать даже въ психологіи прогрессивнѣйшихъ группъ и классовъ современнаго общества.

Въ эпоху первобытнаго консерватизма вопросъ о «нормахъ» человѣческой жизни является чрезвычайно упрощеннымъ, точнѣе даже—не существуетъ. Данная, сложившаяся

форма жизни и есть *абсолютно-должное*; ея консерватизмъ есть ея норма. Ничто не должно измѣняться; все должно быть, какъ было и какъ есть: такова «всеобщая норма» первобытной психологіи.

Но, въ сущности, это даже не норма. Всякая норма предполагаетъ болѣе или менѣе сознательную формулировку, и предполагаетъ мысль о возможности «нарушенія». Первобытный консерватизмъ свободенъ отъ всякой сознательной формулировки, въ ней нѣтъ надобности, потому что нѣтъ мысли о возможности «нарушить» этотъ консерватизмъ. Онъ *существуетъ*, и его такъ же мало требуется формулировать въ видѣ нормы, какъ инстинктъ самосохраненія, чистѣйшей формой котораго онъ является. Все, что его нарушаетъ — внѣшняя и враждебная сила для первобытнаго человѣка; и противъ всего этого человѣкъ борется стихійно, повинуясь непосредственному импульсу своей организаціи,— а не голосу совѣсти, правового сознанія или хотя бы благоразумія, выражающему свои требованія въ видѣ различныхъ «нормъ».

Надъ первобытной жизнью царитъ «обычай»,—такъ принято ее характеризовать. Но этотъ «обычай» вовсе не то, что называютъ

такимъ именемъ въ современномъ мірѣ: онъ не есть старая, извѣстная всѣмъ *норма*, не правило, которымъ люди руководятся и котораго стараются не нарушать, а тысячелѣтняя *привычка*, составляющая нераздѣльную часть человѣческаго существа. Бываютъ случаи, что и этотъ «обычай» нарушается,—но для первобытнаго сознанія это просто нарушеніе естественнаго порядка фактовъ, все равно какъ рожденіе двухголоваго чудовища или солнечное затменіе. Чудовищнаго младенца выбрасываютъ, нарушителя обычая убиваютъ или изгоняютъ, темную силу, помрачающую солнце, стараются отогнать стрѣлами, — все это психологически - однородныя дѣйствія, проявленія безсознательнаго и безусловнаго консерватизма жизни, инстинкта самосохраненія въ первичной фазѣ его развитія.

Люди, принадлежащіе къ одной первобытно-родовой группѣ, психологически настолько же тожественны между собою, насколько одинаково организованы физически. Благодаря этому ихъ взаимныя отношенія безконечно просты и чужды всякихъ противорѣчій. Нормы же нужны только тамъ, гдѣ отношенія сложны и противорѣчивы. Вотъ почему первобытная жизнь ихъ не знаетъ, вотъ почему

ей незнакомы даже тѣ основныя представленія, которыя составляютъ необходимое содержаніе всякой нормировки. Въ этомъ далекомъ отъ насъ мірѣ нѣтъ мѣста идеямъ «должнаго» и «не должнаго», «принужденія» и «свободы», «закона» и его «нарушенія». Есть только непосредственная жизнь, которая судорожно борется противъ всего нарушающаго одинаковый въ безчисленныхъ повтореніяхъ циклъ ея стихійнаго теченія.

II.

Нормы человѣческой жизни выражаютъ собою познаніе «добра и зла». Царство ихъ начинается съ грѣхопаденіемъ человѣка.

Грѣхопаденіе это совершилось не въ одинъ день и не въ тысячу лѣтъ; оно было долгимъ, страшно медленнымъ процессомъ. Состояло оно въ томъ, что жизнь все болѣе переставала быть абсолютно вѣрною тому, чѣмъ она была, — переставала быть вѣрною своей изначальной окаменѣлой формѣ...

Какъ бы ни были рѣдки и случайны *полезныя* измѣненія первобытно-консервативной жизни, но они сохраняются съ нею, потому что помогаютъ ей сохраняться, тогда

какъ всѣ иныя измѣненія губятъ ее и гибнутъ вмѣстѣ съ нею. Путемъ безконечнаго накопленія безконечно-малыхъ создаются новыя реальныя величины. Сила жизни возрастаетъ и перевѣшиваетъ въ борьбѣ силы враждебной природы.

Избытокъ энергіи вызываетъ ростъ жизни и, накопляясь, порождаетъ потребность въ новыхъ формахъ ея равновѣсія. Чѣмъ быстрѣе совершается накопленіе энергіи, тѣмъ сильнѣе потребность въ новыхъ комбинаціяхъ и отношеніяхъ, тѣмъ менѣе возможно и цѣлесообразно простое сохраненіе данныхъ формъ.

Такимъ образомъ, въ силу необходимости, изъ простого повторенія неизмѣнныхъ цикловъ—жизнь мало-по-малу начала превращаться въ развитіе, изъ голой борьбы за сохраненіе того, что есть—въ борьбу за большее. *Данное* перестало быть для нея единственной цѣлью и нормой.

Зарождающееся развитіе не могло быть инымъ, какъ стихійнымъ развитіемъ, возникающая борьба за большее въ жизни—иною, какъ безсознательной борьбой. Движеніе впередъ было непроизвольнымъ и чуждымъ планомѣрности. Поэтому въ каждый данный

моментъ, въ каждомъ данномъ проявленіи оно оказывалось частнымъ и одностороннимъ, а не цѣлостнымъ и общимъ. Оно *нарушало* сложившуюся гармонію жизненной системы. Тогда выступалъ на сцену старый инстинктъ *сохраненія даннаго*, стремленіе отстоять и возстановить прежнюю гармонію; но побѣдить вполнѣ онъ уже не могъ, потому что сила развитія возрастала, и отступая передъ нею въ борьбѣ, онъ переходилъ въ новую форму — стремленіе *положить границы* нарушенію сложившейся гармоніи. Здѣсь и лежитъ исходная точка образованія принудительныхъ нормъ.

Такъ, если въ коммунистическихъ родовыхъ общинахъ начинали все чаще появляться случаи захвата отдѣльными ихъ членами въ исключительное пользованіе какихъ-нибудь средствъ труда или потребленія — орудій, одежды, украшеній, — то несомнѣнно, что эти факты — исторически вполнѣ прогрессивные — глубоко потрясали весь строй общинной жизни и вызывали болѣзненную реакцію. Но простое ихъ подавленіе, какое практиковалось, разумѣется, вначалѣ, не достигало цѣли; они повторялись чаще и чаще, ихъ неизбѣжность входила въ коллективное

сознаніе, оно вынуждено было къ нимъ приспособляться. Тогда его полубезсознательное творчество приводило къ нѣкоторому компромиссу: «новое» допускалось, но до извѣстнаго предѣла, за которымъ начиналось подавленіе. Воплощеніемъ компромисса была *норма обычая*: «это можно, а этого нельзя». «Нельзя» означало реальную санкцію нормы— общественное принужденіе, насиліе направленное противъ ея нарушителя. Таковъ былъ первый плодъ коллективнаго творчества, направленнаго на борьбу съ противорѣчіями соціальнаго развитія.

III.

Что же именно довело людей до того грѣховнаго состоянія, при которомъ уклоненія отъ сложившихся формъ жизни перестали быть совершенно исключительнымъ явленіемъ, вошли въ цѣпь естественныхъ событій?

Дѣло началось съ того, что психологическое тожество людей одной группы исчезло, ихъ мышленіе сдѣлалось не «сплошнымъ». *Раздѣленіе труда* стало шагъ за шагомъ вытѣснять прежнюю его однородность; а

оно было въ то же время *раздѣленіемъ опыта*. Содержаніе трудовой дѣятельности людей становилось все болѣе различнымъ; матеріалъ впечатлѣній, надъ которымъ приходилось работать мышленію, былъ для земледѣльца уже не тотъ, что для лѣсного охотника, у охотника не тотъ, что у рыболова. Имѣя дѣло съ неодинаковымъ матеріаломъ, мышленіе отдѣльныхъ людей все чаще приводило къ неодинаковымъ результатамъ. Общество превращалось въ непрерывно усложняющуюся комбинацію элементовъ возрастающей разнородности. Жизненныя проявленія людей оказывались все менѣе согласованными, возникала глубокая и сильная потребность въ ихъ согласованіи.

Раздѣленіе труда нерѣдко приводитъ людей къ столкновенію даже въ сферѣ ихъ непосредственныхъ цѣлей, когда, напримѣръ, охотникъ, гоняясь за дичью, топчетъ посѣвы хлѣбопашца или скотоводъ, пригоняя стадо на водопой, мѣшаетъ работѣ рыболова. Но гораздо важнѣе, гораздо чаще и глубже тѣ конфликты, которые обнаруживаются между привычками различныхъ работниковъ, ихъ точками зрѣнія на жизнь, ихъ способами реагировать на окружающее:

грубость и беззаботность воина плохо мирилась съ мягкостью и предусмотрительностью его сообщинника - земледѣльца, повышенныя потребности искуснаго ремесленника вызывали недоумѣніе и отвращеніе неприхотливаго рыбака и т. д., и т. под. Органическое сходство привычекъ исчезло; онѣ теряли характеръ абсолютной устойчивости и стихійной непреложности.

При такихъ условіяхъ нарушеніе прежняго «обычая» должно было встрѣчаться все чаще и чаще, оно переставало казаться чѣмъ-то чудовищно-страннымъ и непонятнымъ, прежнее безсознательно-рефлекторное отношеніе къ нему становилось невозможнымъ. Работа сознанія въ этой области была неизбѣжна и необходима: *прежняя* форма обычая была негодна для возстановленія то и дѣло нарушаемаго жизненнаго равновѣсія.

Тутъ и происходитъ коренное преобразованіе обычая, коренное даже въ томъ случаѣ, если самое содержаніе его продолжаетъ сохраняться: изъ голаго, непосредственнаго факта жизни онъ становится ея *нормой*, органическая тенденція получаетъ опредѣленную формулировку.

«Должно поступать такъ-то»!.. Это «должно» заключаетъ въ себѣ не только стремленіе *сохранить* исторически-данную форму жизненной связи, но также и представленіе о возможности ее *нарушить*. Оно выражаетъ борьбу двухъ силъ, внутреннее противорѣчіе жизни. Обѣ стороны обычая находятъ объективное воплощеніе тогда, когда его «норма» нарушается: на сцену выступаетъ «принужденіе», которымъ нарушеніе прекращается. «Обычай» проявляется какъ принудительная норма съ опредѣленной санкціей.

Этимъ открывается цѣлая новая область человѣческаго развитія.

IV.

Развитіе неоднородности элементовъ общественнаго цѣлаго влечетъ за собою, на извѣстной стадіи, развитіе его *неорганизованности*; и тогда міръ принудительныхъ нормъ развертывается до колоссальныхъ размѣровъ.

По мѣрѣ того, какъ отдѣльные элементы общества становятся все менѣе однородными, они все больше и легче обособляются въ своихъ жизненныхъ функціяхъ, и поддержаніе постоянной связи между ними дѣ-

лается все труднѣе. Въ небольшихъ родовыхъ или племенныхъ общинахъ это поддержаніе связи достигалось дѣятельностью общаго организатора—патріарха или вождя. Но прогрессъ производства приводитъ къ тому, что размѣры общества возрастаютъ во много разъ; и тогда общая организація труда становится невозможной. Для отдѣльной личности она уже совершенно непосильна, а общество въ цѣломъ, благодаря разнородности своихъ элементовъ, неспособно выполнять ее коллективно. Происходитъ распаденіе общества на отдѣльныя маленькія группы — частныя хозяйства, — изъ которыхъ каждая самостоятельно организуетъ свою трудовую дѣятельность, и внѣшнимъ образомъ не связана съ другими.

Матеріальная связь между хозяйствами остается, они образуютъ изъ себя звенья одной гигантской цѣпи — системы общественнаго раздѣленія труда; иначе они были бы вполнѣ самостоятельными обществами, и тогда каждое изъ нихъ, по ничтожности своихъ силъ, было бы совершенно неспособно къ борьбѣ за жизнь противъ внѣшней природы. Неорганизованный характеръ этой трудовой связи находитъ себѣ выраже-

ніе въ *мѣновыхъ отношеніяхъ* между хозяйствами; это также неорганизованное, необъединенное чьей-либо сознательной волею, непланомѣрное *распредѣленіе* продуктовъ труда въ обществѣ.

Неорганизованность жизни означаетъ непроизводительную растрату ея силъ, антагонизмъ ея формъ, противорѣчивость ея проявленій. Это относится ко всѣмъ областямъ жизни. Въ сферѣ производства общественный трудъ долженъ удовлетворять точно и во всей полнотѣ общественныя потребности. Но когда онъ неорганизованъ, когда его распредѣленіе между общественными единицами совершается безъ всякаго плана и контроля, то это строгое соотвѣтствіе его результатовъ съ общественными потребностями уже невозможно. Часть труда неминуемо разсѣивается безплодно, создавая излишнее въ области той или иной общественной потребности, часть потребностей остается неудовлетворенной, не найдя достаточнаго количества необходимыхъ продуктовъ общественнаго труда. «Перепроизводство» идетъ рядомъ съ «недопроизводствомъ».

Въ сферѣ распредѣленія неорганизованность порождаетъ новыя глубокія дисгармо-

ніи. Самое распредѣленіе получаетъ форму борьбы и конкурренціи,—борьбы покупателя и продавца, конкурренціи покупателей и продавцовъ между собою; каждый стремится получить больше—за счетъ другого. Въ результатѣ—неравномѣрность, непропорціональность распредѣленія; и даже при общемъ избыткѣ потребности многихъ членовъ общества оказываются неудовлетворенными, многія хозяйства гибнутъ или испытываютъ пониженіе жизни. Грубая власть рынка издѣвается надъ усиліями людей.

Въ дальнѣйшемъ развитіи та же неорганизованность соціальной системы порождаетъ борьбу классовъ, обостряющуюся по мѣрѣ роста силы самихъ классовъ. Борьба эта проникаетъ собою *всю* общественную жизнь, отъ самыхъ «матеріальныхъ» до самыхъ «идеальныхъ» ея проявленій... Колоссальный прогрессъ жизни и силы человѣчества идетъ все время рука объ руку съ колоссальнымъ ростомъ соціальныхъ контрастовъ и противорѣчій.

Не трудно понять, какое громадное значеніе для развитія имѣетъ все то, что вноситъ какой-нибудь порядокъ въ этотъ хаосъ, что сколько-нибудь организуетъ эту

неорганизованность, что ставитъ какія-нибудь рамки этой дисгармоніи, какъ это дѣлаютъ принудительныя нормы. Вотъ почему общественное творчество въ этой области развертывается съ громадной силой и порождаетъ громадное богатство формъ. Это— результатъ суровой жизненной необходимости.

V.

Начало развитія нормативнаго міра положено было, какъ мы видѣли, тѣмъ, что обычай изъ непосредственнаго проявленія органически-цѣлостной жизни превратился во внѣшнюю норму принудительнаго характера. Въ дальнѣйшемъ этотъ новый «нормативный» обычай сталъ родоначальникомъ цѣлаго ряда иныхъ формъ того же типа: обычнаго права и закона, приличій и нравственности. При всѣхъ видовыхъ различіяхъ формы эти сходны между собою въ томъ, что представляютъ для членовъ общества силу внѣшнюю и принудительную, направленную къ регулированію ихъ отношеній. Смыслъ этого регулированія заключается въ томъ, что оно стремится ослабить и устранить противорѣчія, порождаемыя развитіемъ,

внести организованность въ раздробленное и анархичное общественное бытіе.

Первичная и основная форма внѣшняго принужденія, санкціонирующаго предписанія нормъ, есть прямое матеріальное насиліе общества надъ тѣмъ, кто преступаетъ норму. Эта санкція сохраняется всецѣло въ сферѣ обычая и права. Иной характеръ имѣетъ то принужденіе, которое составляетъ жизненный базисъ для нормъ приличія и нравственности: оно сводится къ общественному порицанію и презрѣнію. Эта смягченная форма общественнаго противодѣйствія «ненормальнымъ» (съ точки зрѣнія сложившихся отношеній) поступкамъ людей остается единственной для тѣхъ случаевъ, когда уклоняющіеся поступки не нарушаютъ прямо и рѣзко основныхъ жизненныхъ интересовъ коллективности, какъ они выступаютъ въ ея сознаніи,—когда эти интересы затрогиваются лишь слабо или косвенно. Являясь ослабленнымъ отраженіемъ грубо - матеріальной борьбы общества противъ «аномальныхъ» дѣйствій его членовъ, этотъ второй типъ принужденія, конечно, не исключаетъ перваго и обыкновенно къ нему присоединяется въ случаяхъ «преступленій» и «про-

ступковъ» противъ нормъ исконнаго обычая или права: такіе преступленія и проступки клеймятся, какъ нѣчто безнравственное, а иногда также—неприличное.

Нарушитель нормы самъ—дитя того общества, которое караетъ ея нарушеніе порицаніемъ и презрѣніемъ; онъ сжился съ нормою, онъ ее *признаетъ* даже тогда, когда, повинуясь мотивамъ непосредственнаго характера, онъ ее преступаетъ. Поэтому онъ и самъ выполняетъ по отношенію къ себѣ то «принужденіе», ту кару, которая въ данномъ обществѣ сдѣлалась постояннымъ результатомъ «ненормальнаго» образа дѣйствій, выполняетъ, по крайней мѣрѣ, въ нематеріальной формѣ порицанія и презрѣнія. Такова объективная основа мучительнаго чувства, называемаго угрызеніями совѣсти; это—индивидуально - психологическое отраженіе *общественной* реакціи на противные нормѣ поступки.

Здѣсь имѣется удобная почва для индивидуалистическаго фетишизма, который и формулировала кантіанская философія морали. На томъ только основаніи, что нравтсвенныя нормы, разъ онѣ сложились, пріобрѣтаютъ внутреннюю санкцію «угрызеній совѣ-

сти», имъ приписывается *исключительно* внутренняя обязательность, онѣ выдаются за собственное автономное законодательство абсолютной личности, лежащей въ основѣ человѣческаго существа. Игнорируется при этомъ весь генезисъ нравственности: ея происхожденіе по прямой линіи отъ обычая, ея позднее обособленіе отъ обычнаго права, далеко еще не достигнутое, напр., въ феодально-католическомъ обществѣ; игнорируется и явно *неавтономный* характеръ ея нормъ, ихъ внѣшне-принудительный характеръ, отчетливо выступающій въ столкновеніяхъ моральнаго долга съ инстинктами и стремленіями развивающейся жизни. Игнорируя все это, кантіанской философіи морали удалось надолго и для многихъ затемнить тотъ элементарно-простой фактъ, что «внутренніе» моральные конфликты суть конфликты непосредственныхъ импульсовъ жизни *съ внѣшней для нихъ,* хотя и встрѣчающейся съ ними въ одномъ полѣ личнаго сознанія, кристаллизованной силой соціальнаго прошлаго. Во всякомъ случаѣ, освободительная борьба современнаго *аморализма*, индивидуалистическаго и соціальнаго, уже сама по себѣ является живымъ и яркимъ доказательствомъ того, что обязатель-

ность нравственныхъ нормъ есть только исторически-преобразованная форма общественнаго принужденія.

Въ этомъ смыслѣ между нравственностью и всѣми другими нормативными формами—обычными, правовыми и т. д.—нѣтъ никакого существеннаго различія.

VI.

Организующее значеніе нормативныхъ формъ для противорѣчиво-развивающагося соціальнаго бытія людей по-истинѣ громадно. Чтобы понять его во всей полнотѣ, надо хоть приблизительно себѣ представить, во что обратилось бы общество, если бы не было этихъ нормъ. Оно разсыпалось бы, какъ бочка безъ обручей, оно разложилось бы какъ человѣческій организмъ, лишенный объединяющей и регулирующей жизнь его частей дѣятельности нервной системы.

Обмѣнъ—необходимое условіе жизни исторически-данныхъ намъ культурныхъ обществъ, конкурренція и классовый антагонизмъ—движущія силы ихъ развитія. Но обмѣнъ имѣетъ форму борьбы между покупателемъ и продавцомъ изъ-за пріобрѣтенія

возможно большей цѣнности; если бы борьба эта не находила себѣ границъ въ томъ принужденіи, которое налагается обычаемъ, правомъ, нравственностью, то, естественно развертываясь, она переходила бы въ безпощадный взаимный грабежъ обмѣнивающихся, т.-е. самый обмѣнъ сталъ бы невозможенъ. Конкурренція аналогичнымъ образомъ перешла бы въ физическое истребленіе конкуррентовъ, которыхъ желательно устранить; а классовая борьба не была бы мыслима въ иныхъ формахъ, кромѣ ожесточенной и кровавой междоусобной войны.

Все это такъ и бываетъ въ дѣйствительности, когда жизненныя противорѣчія, временно обостряясь до крайности, прорываютъ оболочку нормъ и стихійно разыгрываются на свободѣ. Тогда громадное разрушеніе элементовъ жизни, не только дряхлѣющихъ, но также и нарождающихся, съ потрясающей наглядностью обнаруживаетъ реальный смыслъ «развитія въ противорѣчіяхъ».

По широтѣ своего жизненнаго значенія различныя нормы весьма неравноцѣнны. Правовая норма частнаго присвоенія охватываетъ и опредѣляетъ собою всю жизнь современнаго общества, между тѣмъ какъ многія,

напр., правила приличія имѣютъ отношеніе лишь къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ общенія между людьми. Это не создаетъ принципіальнаго различія между нормами,— онѣ остаются по существу однородны, какъ *организующія приспособленія для общественной жизни людей.*

Организовать жизнь—это для насъ означаетъ стройно ее регулировать, гармонически приспособлять одни ея проявленія къ другимъ. Но именно съ этой точки зрѣнія организующее значеніе принудительныхъ нормъ нерѣдко можетъ казаться очень спорнымъ; и даже болѣе—роль ихъ становится въ иныхъ случаяхъ безусловно дезорганизующей, вносящей противорѣчія въ процессъ развитія. Такъ, въ наше время очень многія правовыя нормы въ политической жизни общества, многія нравственныя въ жизни семейной порождаютъ невыносимыя противорѣчія, глубоко дезорганизуя развивающуюся жизнь. Въ такихъ случаяхъ дѣло выясняется историческимъ изслѣдованіемъ генезиса нормы,—потому что тогда ея положительная роль принадлежитъ *прошлому.* Норма продолжаетъ сохраняться, когда уже исчезли условія, ее создавшія, а съ ними—ея жизненное значеніе; и она

остается, какъ ненужный пережитокъ на пути развитія. Иногда норма дряхлѣетъ очень быстро, какъ это бываетъ со многими правовыми установленіями; иногда она не теряетъ своей жизненности цѣлыя тысячи лѣтъ, какъ нѣкоторые нравственные принципы: различная по степени, но всегда исторически-ограниченная, жизненность эта сводится къ одному и тому же основному содержанію, къ организующей функціи въ общественномъ процессѣ.

Современныя общества, съ анархическимъ строеніемъ ихъ системы сотрудничества, держатся всецѣло *на принудительныхъ нормахъ*. Нормы *собственности и договорнаго подчиненія* составляютъ душу капитализма.

VII.

Въ первобытномъ обществѣ обычай-привычка охватывалъ собою все существованіе людей, всѣ сферы ихъ дѣятельности. Наслѣдуя обычаю, нормативныя формы захватили мало-по-малу такую же обширную область. Онѣ регулировали и технику общественнаго труда, и экономическія отношенія людей, и ихъ потребленіе, и ихъ мышленіе. Человѣкъ

повсюду сталъ наталкиваться на принудительныя границы, повсюду сталъ чувствовать надъ собою власть внѣшнихъ нормъ, не имъ установленныхъ, а помимо него сложившихся въ его общественной средѣ.

Такъ какъ всякое уклоненіе отъ нормы было «преступно», то «преступленія» были возможны рѣшительно во всѣхъ сферахъ жизни. Всякое крупное усовершенствованіе техники разсматривалось, какъ «преступное нововведеніе«, и ожесточенно преслѣдовалось до тѣхъ поръ, пока сила нормативнаго принужденія не отступала передъ силою экономической необходимости. Живой иллюстраціей можетъ служить трагическая судьба многихъ изобрѣтеній и изобрѣтателей въ Средніе вѣка и на порогѣ Новаго времени. Такое же отношеніе къ техническимъ и экономическимъ новшествамъ, только въ ослабленной формѣ—нравственнаго отвращенія, — наблюдается и у современнаго крестьянина отсталыхъ мѣстностей, который въ необычныхъ улучшеніяхъ хозяйства видитъ «бѣсовскія выдумки», т.-е. нѣчто въ высшей степени грѣховное. Въ области потребленія характерны различныя «табу», обычныя, правовыя, нравственныя и т. д. Религіозно-

закрѣпленные въ «Пятикнижіи» обычаи, воспрещавшіе евреямъ употребленіе свинины, крови животныхъ и многихъ другихъ видовъ пищи, законы Среднихъ вѣковъ, каравшіе роскошь не по состоянію или, вѣрнѣе, не по сословію, приличія, не допускающія въ наше время наиболѣе простыхъ и удобныхъ костюмовъ, а также извѣстныхъ способовъ принятія пищи, нравственное отвращеніе многихъ культурныхъ и некультурныхъ людей къ спиртнымъ напиткамъ,—вотъ типичные примѣры «табу», примѣры, которыхъ можно было бы еще привести безчисленное множество.

Всеобъемлющая сила обычая-привычки опредѣляла собою первоначально не только *поступки* людей, но и ихъ *внутреннія переживанія*. Здѣсь принудительныя нормы также наслѣдовали обычаю. Въ восточныхъ деспотіяхъ древности встрѣчались случаи смертной казни за «преступныя сновидѣнія», когда, напр., человѣку приснится, что онъ убилъ царя; инквизиція считала еретическія мысли преступными независимо отъ того, высказывались онѣ или нѣтъ; и былъ случай, что инквизиторъ самъ донесъ на себя, когда его стали осаждать богохульныя мысли,—за что

и былъ по справедливости сожженъ на кострѣ. И въ нашемъ культурномъ мірѣ представленіе о «грѣшныхъ» или даже «преступныхъ» мысляхъ далеко еще не вполнѣ исчезло; исчезло только правовое принужденіе, карающее «незаконную» ассоціацію идей; но осталось до сихъ поръ въ большой силѣ принужденіе нравственное, въ видѣ общественнаго порицанія и угрызеній совѣсти, и почти не отличающееся отъ него принужденіе, связанное съ нарушеніемъ нормъ приличія.

Такъ сѣть внѣшнихъ нормъ, то грубыхъ и твердыхъ, то мягкихъ и эластичныхъ, оплетаетъ собою всевозможныя проявленія человѣческой жизни.

VIII.

Внѣшне-принудительныя нормы всѣхъ видовъ служатъ для того, чтобы внести порядокъ въ дисгармонію жизни, порождаемую стихійнымъ развитіемъ. Но тотъ порядокъ, который онѣ вносятъ, еще не есть гармонія въ положительномъ смыслѣ этого слова. Объединеніе и регулированіе разнородныхъ жизненныхъ процессовъ получается лишь

внѣшнее. Въ человѣкѣ возникаетъ, напр., противорѣчіе между непосредственно-эгоистическими стремленіями и непосредственно-соціальными, между желаніемъ отвернуться и уйти отъ чужихъ страданій, и желаніемъ помочь имъ цѣною нѣкоторой жертвы. Велѣніе закона или нравственнаго долга подчиняетъ одни изъ этихъ мотивовъ другимъ; человѣкъ дѣйствуетъ сообразно тѣмъ изъ нихъ, которые соотвѣтствуютъ «нормѣ». Но въ предѣлахъ психики борьба ихъ отъ этого не прекращается; она можетъ даже все болѣе обостряться, если сила нормы дала побѣду не тѣмъ мотивамъ, которые въ данное время сами по себѣ усиливаются, а тѣмъ, которые слабѣютъ. Такимъ образомъ, сглаживая и подавляя проявленія внутреннихъ противорѣчій, внѣшняя норма этихъ противорѣчій не устраняетъ. Пожалуй, даже она прибавляетъ къ нимъ новое противорѣчіе: между той частной жизненной тенденціей, которая нормой подавляется, и самой этой нормой.

Далѣе, внѣшнія нормы консервативны, онѣ медленно складываются и большею частью медленно измѣняются; онѣ всегда живутъ дольше, чѣмъ вызвавшая ихъ потребность,

и умираютъ только послѣ упорной борьбы. Наше время полно такой борьбою: къ ней сводится почти вся политическая жизнь отсталыхъ странъ, какъ Россія, и даже значительная часть политической жизни странъ передовыхъ. То же и въ другихъ областяхъ нормативной идеологіи. Пережившая себя правовая организація, система обычаевъ, морали уже не регулируетъ стихійнаго развитія, не сглаживаетъ его противорѣчій, а просто его задерживаетъ, вызывая иногда своимъ сопротивленіемъ колоссальную растрату лучшихъ силъ развивающейся жизни, чему столько примѣровъ даетъ эпоха, переживаемая нашей страной. Здѣсь—новый источникъ жизненныхъ противорѣчій.

Внѣшне-принудительныя нормы безусловно необходимы для сохраненія жизни среди противорѣчій стихійнаго развитія,—но достигаютъ онѣ этого сохраненія лишь цѣною стѣсненія самого развитія, цѣною его ограниченія и задержекъ. Зато онѣ, замѣняя внѣшніе конфликты грубой борьбы внутренними противорѣчіями, вытекающими изъ принужденія, направляютъ тѣмъ сильнѣе человѣческое сознаніе въ сторону выработки новыхъ формъ жизни и разви-

тія, формъ, свободныхъ отъ стихійности, отъ противорѣчій и принужденія.

IX.

Можно считать за общее правило, что противорѣчія стихійнаго развитія тѣмъ острѣе, глубже и шире, чѣмъ выше та ступень жизни, на которой они проявляются. Въ стихійномъ ростѣ человѣческаго организма выступленіе на сцену половой жизни даетъ гораздо больше новыхъ тревогъ и диссонансовъ, чѣмъ въ развитіи какого-нибудь молодого животнаго. Точно такъ же прогрессъ «культурныхъ» капиталистическихъ обществъ покупается цѣною несравненно большей суммы противорѣчій, чѣмъ прогрессъ «докультурныхъ» общинъ натурально-хозяйственнаго типа. Для высшихъ формъ стихійно-развивающейся жизни ея ускоренный ростъ соединяется съ усиленной ея растратой.

Очень часто бываетъ даже такъ, что растрата перевѣшиваетъ ростъ жизни, развитіе переходитъ въ деградацію, «шагъ впередъ» влечетъ за собою «два шага назадъ». Болѣзни роста приводятъ иногда къ глубокому и длительному истощенію молодой,

тонкой организаціи, а то и къ полному ея крушенію.

Что же именно обостряетъ до такой степени для высшихъ формъ жизни противорѣчія стихійнаго ихъ развитія? Тѣ самыя особенности этихъ формъ, которыя дѣлаютъ ихъ «высшими».

Прежде всего ихъ меньшій консерватизмъ ихъ бо́льшая гибкость и пластичность. Неподвижныя, консервативныя низшія формы обладаютъ, естественно, гораздо большей, непосредственной устойчивостью. Правда, это только непосредственная устойчивость, подобная прочности камня, который трудно разбить, но разъ это случилось—его прежняя форма потеряна навсегда. Однако, такая устойчивость гарантируетъ жизненный комплексъ отъ слишкомъ быстраго разрушенія подъ дѣйствіемъ умѣренно-сильныхъ вредныхъ вліяній, т.-е. именно наиболѣе обычныхъ и частыхъ. Такъ, для горожанина или вообще культурнаго человѣка, съ ихъ болѣе впечатлительной, менѣе выносливой организаціей, противорѣчія періода половой зрѣлости имѣютъ гораздо болѣе болѣзненный и острый характеръ, чѣмъ для дикаря или крестьянина.

Другой моментъ, дѣйствующій въ томъ же смыслѣ, это богатство жизненнаго содержанія высшихъ формъ—большое количество элементовъ и разнообразіе частей, изъ которыхъ онѣ слагаются. Всякое измѣненіе, порождаемое стихійнымъ развитіемъ, среди массы наличныхъ комбинацій, входящихъ въ данную жизненную систему, встрѣчаетъ, етественнымъ образомъ, очень много такихъ, съ которыми оказывается въ жизненномъ противорѣчіи. Такъ, новая идея, возникшая въ головѣ отдѣльной личности, имѣетъ всѣ шансы встрѣтить гораздо больше сопротивленій и противодѣйствій въ сферѣ сложной, широко расчлененной идеологической жизни общества, чѣмъ въ узкой и небогатой идейной жизни ближайшаго къ автору кружка людей.

Наконецъ, третья особенность высшихъ формъ, обостряющая противорѣчія ихъ стихійнаго развитія, это ихъ внутреннее единство, ихъ организованность, тѣсная жизненная связь ихъ частей и элементовъ. Именно въ силу этой связи и организованности для человѣческаго, напр., организма гипертрофія или атрофія какого-нибудь его органа или функціи, оказывая болѣе глубокое вліяніе на всѣ остальныя его отношенія, гораздо

опаснѣе, чѣмъ, положимъ, для кольчатаго червя съ его сравнительно-малой жизненной связью и зависимостью отдѣльныхъ частей.

Очевидно, что всѣ эти условія, обостряющія дисгармонію стихійнаго развитія, должны все болѣе усиливаться по мѣрѣ самаго этого развитія. Противорѣчія, должны все болѣе возрастать.

Если такъ, то не идетъ ли развитіе жизни по вѣрному пути къ безнадежному крушенію? Гдѣ выходъ изъ роковой связи между прогрессомъ жизни и прогрессомъ ея противорѣчій?

Выходъ лежитъ за предѣлами стихійнаго развитія, онъ дается измѣненіемъ самой формы развитія.

X.

Изъ мучительныхъ колебаній жизни, порождаемыхъ стихійнымъ развитіемъ, изъ его дорогой цѣны и возрастающей ненадежности возникаетъ новая потребность: внести гармонію и единство въ самый процессъ развитія, сдѣлать его стройнымъ и цѣлостнымъ, устранить его стихійность. Его колебанія должны уступить мѣсто непрерывности, его

диссонансы—полнымъ и яснымъ аккордамъ; его цѣна должна стать равною его результатамъ, элементъ случайности долженъ изъ него исчезнуть. Словомъ, необходимо, чтобы изъ движенія стихійнаго жизнь превратилась въ движеніе гармоническое.

Только тогда прогрессъ находитъ несокрушимую опору во всей суммѣ накопленныхъ силъ жизни, только тогда передъ нимъ открывается безконечность побѣжденной и постоянно вновь побѣждаемой природы: *борьба за большее превращается въ борьбу за все.*

Въ этомъ сознательно - цѣлесообразномъ прогрессѣ жизни вопросъ о цѣляхъ жизни получаетъ впервые законченное значеніе и находитъ свободный отъ противорѣчій отвѣтъ—въ безконечно возрастающей суммѣ счастья. Представить себѣ этотъ типъ жизни сколько-нибудь полно и ясно не въ силахъ мы—люди односторонняго, дисгармоническаго развитія, люди эпохи противорѣчій. Но мы смутно предчувствуемъ его въ моменты экстаза созерцанія или мысли, когда при живомъ общеніи съ прекрасной природой или могучимъ геніемъ намъ кажется, что наше маленькое существо исчезаетъ, сливаясь съ безконечностью.

XI.

Было бы, однако, неразумно говорить о высшемъ типѣ жизни, о гармоническомъ ея процессѣ, если бы въ нашемъ опытѣ не имѣлось ничего кромѣ смутныхъ его предчувствій, кромѣ неопредѣленнаго стремленія къ нему,—если бы нельзя было намѣтить его зародышей въ прошломъ и настоящемъ, если бы не было данныхъ, чтобы хоть въ самыхъ общихъ и схематичныхъ чертахъ обрисовать его вѣроятное дальнѣйшее развитіе. Къ счастью, такіе зародыши и такія данныя существуютъ, и ихъ достаточно для того, чтобы дать основу для вполнѣ опредѣленныхъ выводовъ.

Прежде всего, гдѣ лежатъ тѣ условія, которыя создаютъ самую *возможность* перехода отъ стихійно-противорѣчиваго развитія къ планомѣрно-гармоническому? *Тамъ же*, гдѣ условія прогрессивнаго обостренія противорѣчій стихійно-развивающейся жизни—въ возрастающей пластичности жезненныхъ формъ, въ умножающемся богатствѣ ихъ содержанія, въ ихъ увеличивающейся организованности.

Только высокая пластичность жизни до-

пускаетъ быстрое и разностороннее приспособленіе къ ея средѣ,—сравните въ этомъ отношеніи гибкую натуру городского работника-пролетарія съ деревянно - неуклюжею психикой крестьянина отсталой деревни. Только въ богатомъ жизненномъ содержаніи, сложномъ и разнообразномъ, могутъ всегда найтись необходимые элементы для такого приспособленія;—сопоставьте, напр., живую находчивость много видавшаго и много испытавшаго человѣка при всевозможныхъ обстоятельствахъ съ обычной тупой растерянностью человѣка бѣднаго опытомъ—при сколько-нибудь новой комбинаціи условій. Наконецъ, только растущая организованность формъ дѣлаетъ отдѣльные, частные процессы развитія все менѣе изолированными, приводитъ къ тому, что каждый изъ нихъ уже не ограничивается той частью жизненнаго цѣлаго, гдѣ возникаетъ, но немедленно отражается на всѣхъ остальныхъ частяхъ вызывая въ нихъ рядъ соотвѣтственныхъ измѣненій;—характерна въ этомъ смыслѣ противоположность между высоко-организованнымъ мышленіемъ философа, въ которомъ новое явленіе, новая идея можетъ вызвать созвучныя измѣненія или даже преобразо-

ванія во всѣхъ областяхъ міровоззрѣнія, и сравнительно слабо организованнымъ мышленіемъ филистера, который укладываетъ новый фактъ или новую мысль въ одинъ изъ многочисленныхъ ящичковъ своего мозга, и затѣмъ запираетъ на ключъ впредь до практической надобности, не заботясь о томъ, что въ другихъ ящичкахъ лежатъ мысли и факты, глубоко этимъ противорѣчащіе или особенно съ ними гармонирующіе.

Такъ переходъ отъ низшихъ формъ жизни къ высшимъ, усиливая противорѣчія стихійнаго развитія, подготовляетъ въ то же время коренное устраненіе этихъ противорѣчій вмѣстѣ съ порождающей ихъ стихійностью.

XII.

Вполнѣ гармоничное, чуждое внутреннихъ противорѣчій развитіе—это для насъ только *предѣльное понятіе*, выражающее извѣстную намъ изъ опыта тенденцію къ освобожденію процессовъ развитія отъ связанныхъ съ ними противорѣчій. Поэтому дать наглядное представленіе о гармоническомъ типѣ развитія можно лишь путемъ сопоставленія такихъ конкретныхъ случаевъ, которые наиболѣе къ

нему приближаются, съ такими, въ которыхъ недостатокъ гармоніи бросается въ глаза.

Въ современномъ обществѣ образцомъ высокоорганизованной, богатой содержаніемъ и пластичной жизненной комбинаціи можетъ служить крупно-капиталистическое предпріятіе, взятое спеціально со стороны его трудовой техники. Въ этой ограниченной сферѣ процессы развитія совершаются довольно гармонично. Вводится, положимъ, новое техническое изобрѣтеніе, которое во много разъ уменьшаетъ затрату рабочей силы въ одной изъ операцій даннаго производства. Немедленно происходитъ рядъ дальнѣйшихъ техническихъ измѣненій.

Нельзя ограничиться удаленіемъ старыхъ машинъ и постановкою новыхъ; надо приноровить къ этимъ новымъ машинамъ все внутреннее устройство фабрики. Напр., старое зданіе можетъ для нихъ не годиться; тогда его надо передѣлать примѣнительно къ новымъ требованіямъ; и соотвѣтственно этому могутъ понадобиться частичныя передѣлки въ другихъ отдѣленіяхъ фабрики и въ сообщеніяхъ между ними. Система передаточныхъ механизмовъ, распредѣляющихъ

механическую силу между отдѣльными машинами, также должна быть соотвѣтственно преобразована. Уменьшеніе потребности въ рабочей силѣ освобождаетъ часть капитала, и ее можно уботребить на болѣе или менѣе равномѣрное расширеніе всего предпріятія. Освобожденныя машиной рабочія руки при этомъ могутъ вновь найти себѣ примѣненіе, но въ значительной части уже не то, какое прежде; и при этой перемѣнѣ ролей надо, въ интересахъ предпріятія, дать каждому работнику наиболѣе подходящую для него функцію, а нѣкоторыхъ, можетъ быть, совсѣмъ устранить изъ даннаго производства и взамѣнъ ихъ нанять умѣло выбранныхъ новыхъ. Все это перераспредѣленіе капитала и труда выполняется быстро и легко, благодаря наличности инженеровъ и директоровъ, обладающихъ богатымъ опытомъ и знаніями по организаціи дѣла. Такимъ образомъ развитіе въ одной части системы вызываетъ соотвѣтственныя приспособленія во всѣхъ остальныхъ, и частичный прогрессъ превращается въ прогрессъ цѣлаго. Никакимъ значительнымъ замѣшательствомъ или разстройствомъ въ технической жизни предпріятія онъ не сопровождается.

Но совсѣмъ въ иномъ видѣ выступаетъ дѣло тогда, когда мы беремъ данное предпріятіе въ связи со всѣми другими. Современная экономическая система въ ея цѣломъ отличается *неорганизованностью*, и въ этомъ смыслѣ по сравненію съ высоко-организованнымъ отдѣльнымъ предпріятіемъ представляетъ низшую форму жизни, развитіе которой имѣетъ несравненно болѣе стихійный и противорѣчивый характеръ. Здѣсь техническій прогрессъ однихъ предпріятій вызываетъ упадокъ и даже гибель другихъ; онъ лишаетъ множество сильныхъ работниковъ ихъ полезной роли въ общественномъ трудѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякихъ средствъ къ жизни, — дѣлая ихъ рабочую силу излишней въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ производительность труда повысилась, не даетъ имъ мѣста въ другихъ, отсталыхъ, а потому падающихъ предпріятіяхъ. Временами тотъ же техническій прогрессъ приводитъ къ общимъ кризисамъ производства — ужаснымъ потрясеніямъ всей общественной жизни. Наконецъ, классовыя противорѣчія—порожденіе того же стихійнаго прогресса; и хотя только они въ своемъ развитіи создаютъ для общества возможность выбраться изъ-подъ власти соб-

ственной стихійной природы, но все же сами по себѣ они полны мучительной дисгармоніи, заключаютъ массу элементовъ разрушенія жизни...

Такъ анархія цѣлаго господствуетъ надъ организованностью частей, на каждомъ шагу уничтожая или ослабляя своей стихійною силою результаты планомѣрно-гармоническаго ихъ развитія. Общій характеръ соціальнаго процесса остается глубоко противорѣчивымъ.

XIII.

Весь жизненный смыслъ, все положительное значеніе принудительныхъ нормъ неразрывно связаны съ противорѣчіями стихійнаго развитія. По мѣрѣ того, какъ эти противорѣчія и эта стихійность въ той или другой области жизни отступаютъ передъ организованностью и планомѣрностью, общественная роль принудительныхъ нормъ радикально измѣняется: ихъ смыслъ исчезаетъ, ихъ значеніе извращается. Принужденіе, подавляющее противорѣчія, излишне тамъ, гдѣ развитіе само по себѣ ихъ уже не порождаетъ. Консерватизмъ внѣшней нормы рѣзко сталкивается съ непрерывной тенденціей

прогресса и въ свою очередь становится источникомъ — въ этомъ случаѣ основнымъ или даже единственнымъ—глубокихъ жизненныхъ противорѣчій. Возникаетъ потребность въ иныхъ нормахъ, соотвѣтствующихъ новому типу движенія жизни. Эти новыя нормы, очевидно, должны быть свободны и отъ принудительности и отъ консерватизма прежнихъ.

Таковы *нормы цѣлесообразности.*

Нормы внѣшняго принужденія—правовыя, моральныя и т. д.—разумѣется, могутъ быть «цѣлесообразными», т.-е. полезными для общества; и онѣ даже лишь постольку занимаютъ въ жизни прочное мѣсто, поскольку «цѣлесообразны»; однако это еще не дѣлаетъ ихъ нормами цѣлесообразности. Онѣ принуждаютъ, не мотивируя и не разбирая условій; онѣ не приспособляютъ своего принужденія къ измѣняющимся условіямъ: «ты долженъ дѣлать то-то и не смѣешь поступать такъ-то», долженъ и не смѣешь совершенно независимо отъ того, насколько въ каждомъ данномъ случаѣ это для тебя цѣлесообразно,—долженъ, не смѣешь, и только; императивъ безусловный, категорическій.

Нормы цѣлесообразности не имѣютъ ни-

чего общаго съ *такой* императивностью. Вполнѣ типичный образецъ ихъ—научно-техническія правила. Правила эти, въ сущности, никого и ни къ чему не принуждаютъ, а только указываютъ наилучшіе способы къ достиженію той или иной *данной* цѣли. Они говорятъ: если ты хочешь достигнуть того-то, ты долженъ дѣйствовать такъ-то,—императивъ условный, гипотетическій. Нормы внѣшняго принужденія предписываютъ человѣку самыя его цѣли или, по крайней мѣрѣ, границы этихъ цѣлей; не пожелай жены искренняго твоего, и т. п. Нормы цѣлесообразности представляютъ выборъ цѣлей самому человѣку: если ты пожелалъ жены искренняго твоего, то... и т. д.

Связь этихъ нормъ съ гармоническимъ ходомъ развитія очень понятна. Если развитіе не порождаетъ противорѣчій, то цѣли, изъ него вытекающія и выражающія собою его тенденціи, не сталкиваются между собою въ безысходныхъ конфликтахъ, а потому въ интересахъ жизни для нихъ не требуется никакихъ ограниченій.

Впрочемъ, поскольку дѣло идетъ о промежуточныхъ, о посредствующихъ цѣляхъ, поскольку и нормы цѣлесообразности могутъ

опредѣлять собою выборъ цѣлей: если ты хочешь достигнуть такой-то конечной цѣли, то сначала долженъ поставить себѣ такія-то ближайшія цѣли, а отъ нихъ перейти къ такимъ-то послѣдующимъ, и т. д. Очевидно и здѣсь указаніе имѣетъ тотъ же условный характеръ: это выясненіе необходимыхъ средствъ, которыя временно играютъ роль цѣлей. Такъ, для сознательнаго политическаго дѣятеля сила его партіи есть одна изъ главныхъ цѣлей, но отнюдь не конечная цѣль; въ случаѣ надобности онъ ради этой послѣдней долженъ забыть о первой; если данное средство перестало быть необходимымъ для достиженія поставленнаго идеала и всего вѣрнѣе къ нему ведущимъ, то цѣлесообразность предписываетъ отказаться отъ этого средства.

Нормы цѣлесообразности всецѣло *подлежатъ критикѣ* опыта и познанія, нормы принужденія *требуютъ себѣ господства и надъ этой критикой*. Эти двѣ тенденціи мышленія философски выражаются, съ одной стороны, въ идеѣ «примата» теоретическаго разума надъ практическимъ, съ другой — въ идеѣ «примата» практическаго разума надъ теоретическимъ.

XIV

Если нормы цѣлесообразности сами по себѣ не предписываютъ людямъ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ цѣлей, то не слѣдуетъ ли изъ этого, что онѣ предполагаютъ полный произволъ въ выборѣ этихъ цѣлей?

И да, и нѣтъ.

Формально—да, потому что логически мыслимы какія угодно цѣли, самыя разумныя и самыя чудовищныя, и вмѣстѣ съ ними—вполнѣ соотвѣтствующія имъ нормы цѣлесообразности: если ты хочешь пожертвовать своею жизнью съ наибольшей пользой для развитія человѣчества, то это надо сдѣлать такимъ-то способомъ; если ты хочешь отнять жизнь у своего ближняго, то здѣсь всего удобнѣе такіе-то пріемы, и т. п.

По существу—нѣтъ. Изъ безчисленныхъ логическихъ возможностей только одна равняется реальности. Нормы цѣлесообразности—не игра мышленія, а опредѣленныя *формы жизни*. Онѣ выступятъ въ общественныхъ отношеніяхъ на мѣсто нормъ принужденія только при опредѣленныхъ жизненныхъ условіяхъ и исторически неразрывно связаны съ этими условіями. Онѣ соотвѣтствуютъ гар-

моническому развитію жизни и имѣютъ его своей предпосылкою. Этимъ вполнѣ опредѣдѣляется та всеобщая конечная цѣль, которой онѣ подчинены: maximum жизни общества, какъ цѣлаго, совпадающій въ то же время съ maximum жизни его отдѣльныхъ частей и его элементовъ — личностей. Поскольку такого совпаденія нѣтъ, постольку не можетъ быть и рѣчи о гармоническомъ развитіи, — а слѣдовательно, и о соціальномъ господствѣ нормъ цѣлесообразности; поскольку она есть, постольку цѣли, которымъ служатъ эти нормы, при всемъ своемъ конкретномъ разнообразіи сливаются въ высшемъ единствѣ *соціально-согласованной борьбы за счастье*, борьбы за все, что жизнь и природа могутъ дать для человѣчества.

XV.

Нормы цѣлесообразности только на опредѣленной стадіи развитія человѣчества должны отнятьу принудительныхъ нормъ господство надъ соціальной жизнью; но возникаютъ онѣ гораздо раньше этой стадіи, проходятъ долгій путь развитія, распространяются шагъ за шагомъ на цѣлыя обширныя области жизни,

продолжая въ ея общей системѣ занимать *подчиненное* положеніе. Это вполнѣ понятно: гдѣ и поскольку цѣли и результаты человѣческихъ дѣйствій перестаютъ оказываться взаимно-противорѣчивыми, гдѣ и поскольку дисгармонія стихійнаго развитія исчезаетъ, — тамъ и постольку освобождается мѣсто для нормъ цѣлесообразности...

Всего быстрѣе онѣ завоевываютъ область *трудовой техники*, область непосредственной борьбы человѣка съ природою. Здѣсь первично создается объединеніе человѣческихъ усилій, здѣсь необходимость побѣды надъ великимъ всеобщимъ врагомъ всего раньше преодолѣваетъ и прямые конфликты человѣческихъ цѣлей, и косвенно порождаемыя ихъ стихійными комбинаціями жизненныя противорѣчія.

Система нормъ цѣлесообразности, планомѣрно организующихъ техническій опытъ людей, называется *наукою*. Сюда относятся не только собственно техническія науки, которыя такъ и излагаются въ видѣ систематизированнаго ряда практическихъ указаній, какими способами всего легче достигается та или другая техническая цѣль; науки естественныя, отъ математики и астрономіи до

соціологіи и теоріи познанія, имѣютъ по существу *то же значеніе*. Онѣ представляютъ систему нормъ цѣлесообразности *высшаго порядка*, нормъ, нормирующихъ нормы, подчиняющихъ себѣ примѣненіе всякихъ практическихъ правилъ. Когда инженеръ при помощи математическаго анализа и принциповъ механики вырабатываетъ проектъ постройки зданія и моста, онъ создаетъ непосредственно-техническія нормы цѣлесообразности при помощи нормъ научныхъ. Когда политикъ вырабатываетъ программу дѣйствій для даннаго историческаго момента и данной общественной группы, опираясь на опредѣленную соціально-философскую теорію и на анализъ соотношенія общественныхъ силъ, онъ также создаетъ непосредственно-практическія нормы цѣлесообразности, опираясь на нормы научныя. Въ конечномъ счетѣ, всякое научное познаніе представляетъ изъ себя творчество нормъ цѣлесообразности для практической дѣятельности людей.

Въ идеологической жизни общества также преобладаютъ въ наше время нормы цѣлесообразности, но тамъ онѣ не господствуютъ всецѣло. Человѣкъ можетъ въ современномъ обществѣ *вѣрить*, какъ ему ка-

жется цѣлесообразнымъ для спасенія его души, *размышлять*, какъ ему кажется цѣлесообразнымъ для правильнаго пониманія и оцѣнки окружающей его дѣйствительности; но какъ только онъ начинаетъ *высказывать* результаты своей идеологической работы, такъ наряду съ нормами цѣлесообразности онъ, обыкновенно, вынужденъ принимать во вниманіе еще нѣкоторыя принудительныя нормы—права, приличія, обычаи; въ обществахъ отсталыхъ этихъ принудительныхъ нормъ больше, и онѣ даже рѣшительно преобладаютъ; въ обществахъ передовыхъ онѣ имѣются въ меньшемъ количествѣ и отступаютъ на второй планъ. Развитіе и здѣсь ведетъ къ относительному упадку нормъ принудительныхъ и къ замѣнѣ ихъ нормами цѣлесообразности—къ *освобожденію* человѣческой дѣятельности.

XVI.

Когда въ той или другой сферѣ жизни процессъ освобожденія людей отъ принудительныхъ нормъ завершился, и самое воспоминаніе о нихъ исчезаетъ, то практически устраняется изъ жизни и мысль о «свободѣ» въ этой области. Въ наше время въ пере-

довыхъ странахъ никто не думаетъ о «свободѣ» внутреннихъ переживаній—мыслей и сновъ, о «свободѣ» техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованій, и т. п. Но самый процессъ освобожденія неминуемо протекаетъ въ формахъ принудительныхъ отношеній—нравственныхъ, правовыхъ.

Въ культурныхъ странахъ существуетъ «свобода» совѣсти, слова, печати, союзовъ. Что такое эта свобода? Опредѣленное *право*. Какъ норма правовая, она должна, слѣдовательно, заключать въ себѣ элементы внѣшняго принужденія. Въ чемъ они заключаются? Въ томъ, что общественною силою подавляются всякія попытки нарушенія этой свободы.—Напр., юридическое содержаніе «свободы слова» таково: никто не долженъ препятствовать другимъ высказывать ихъ мысли; а кто дѣлаетъ это, тотъ подвергается наказанію. Но самая мысль о возможности препятствовать людямъ высказывать ихъ мысли означаетъ, что сохранились еще слѣды прежняго принудительнаго нормированія человѣческихъ высказываній, что есть, по меньшей мѣрѣ, воспоминанія о прежней насильственной цензурѣ слова. Когда эти слѣды и воспоминанія окончательно исчезнутъ, то

общество такъ же мало будетъ помышлять о свободѣ слова, какъ мало уже въ наше время оно помышляетъ о свободѣ дыханія или о свободѣ сновидѣній.

Тутъ проявляется тотъ общій законъ эволюціи, что новое содержаніе жизни первоначально беретъ элементы для своихъ организующихъ формъ отъ стараго содержанія, и только по мѣрѣ отмиранія этихъ элементовъ вырабатываетъ на ихъ мѣсто свои вполнѣ оригинальныя формы. Новое изъ стараго и черезъ старое. Правовое принужденіе цензуры преодолѣвается правовымъ принужденіемъ, ограждающимъ свободу слова, и только вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, отрицательнымъ принужденіемъ, исчезаетъ въ данной области правовая форма вообще.

Метафизическій идеализмъ въ соціальныхъ наукахъ создаетъ изъ свободы совѣсти, слова и т. д. рядъ «абсолютныхъ» или «естественныхъ» правъ человѣка, непреложныхъ и вѣчно-обязательныхъ. Онъ не понимаетъ, что дѣйствительная, вполнѣ реализованная свобода есть вовсе не «право», а отрицаніе права. Онъ достигъ той ступени развитія, на которой городового, стѣсняющаго свободу, стремятся замѣнить городовымъ, охра-

няющимъ свободу; но выше этого послѣдняго такой идеализмъ не въ силахъ подняться въ полетѣ своей творческой фантазіи, и наивно мечтаетъ сдѣлать его вѣчнымъ. Тутъ сказывается специфическая узость буржуазной психологіи, не позволяющая «идеалисту» выйти изъ рамокъ идеологическихъ формъ, свойственныхъ буржуазному міру— формъ правовыхъ, нравственныхъ и т. д.

XVII.

Итакъ, въ сферѣ техники и познанія господство нормъ цѣлесообразности намѣчается съ опредѣленностью уже въ наше время. Иначе обстоитъ дѣло въ области экономики—взаимныхъ отношеній между людьми, возникающихъ въ трудовомъ процессѣ.

Въ современномъ обществѣ отношенія эти характеризуются неорганизованностью, анархичностью. Ихъ развитіе связано съ наибольшею суммою противорѣчій. Поэтому здѣсь объективно дается наименьшій просторъ для нормъ цѣлесообразности и наибольшая потребность въ нормахъ принужденія. И мы уже видѣли, насколько необходимы эти нормы для мѣнового процесса, выражающаго въ

себѣ основное экономическое строеніе нынѣшняго общества, необходимы въ силу коренныхъ и неустранимыхъ противорѣчій его содержанія.

Здѣсь царствуетъ принципъ собственности—права опредѣленныхъ людей на опредѣленныя вещи,—и около этого принципа, какъ его частныя проявленія, варіаціи, или какъ его необходимыя дополненія, группируются всякія другія принудительныя нормы, правовыя, нравственныя и т. д.

Буржуазный экономическій строй совершенно немыслимъ внѣ правовой системы; она—его скелетъ, необходимая связь его частей и постоянная облекающая ихъ форма.

XVIII.

Переходъ отъ экономической системы, полной противорѣчій и потому регулируемой внѣшними нормами, къ гармонической системѣ сотрудничества, для которой такія нормы не нужны, можетъ совершиться только черезъ опредѣленную переходную фазу, гдѣ новое, незаконченно сложившееся содержаніе пользуется еще старыми формами. Преобразованіе экономическаго строя должно

произойти при посредствѣ новыхъ правовыхъ отношеній, т.-е. политическимъ путемъ. Поэтому оно исторически выступаетъ, какъ цѣль опредѣленной *партіи*, причемъ обыкновенно обозначается терминомъ Zukunftstaat «государство будущаго».

Изслѣдуя эту формулу при помощи исторической теоріи той же—Марксовской школы, которая дѣлаетъ ее своимъ лозунгомъ, легко прійти къ мысли, что тутъ есть противорѣчіе. «Государство есть организація классоваго господства», учитъ эта школа, и въ то же время она выставляетъ, какъ идеалъ, уничтоженіе классовъ. Какимъ образомъ примирить съ этимъ идею Zukunftstaat'а, который все же есть «Staat», т.-е. государство?

Противорѣчіе здѣсь, конечно, только кажущееся. «Государство будущаго» есть дѣйствительно организація классоваго господства,—но только *того класса, который стремится устроить классы.* Такимъ образомъ, оно есть переходная стадія; оно предполагаетъ пережитки старыхъ классовыхъ идеологій, стоящіе въ противорѣчіи съ новой организаціей жизни и подлежащіе правовому нормированію. Когда эти пережитки исчезаютъ, и психологія всего общества прихо-

дитъ къ соотвѣтствію съ его новой системой сотрудничества — всеобщей коопераціей для всеобщаго развитія,—то и «государство будущаго», теряя элементы принужденія, перестаетъ быть «государствомъ». Это—общество, въ которомъ взаимныя отношенія людей такъ же, какъ ихъ отношенія къ природѣ и опыту, опредѣляются нормами цѣлесообразности. — Таковъ идеалъ, доступный взгляду современнаго человѣка, — соціалистическій міръ.

XIX.

Современный человѣкъ—дитя эпохи противорѣчій и принужденія — неминуемо задастъ здѣсь вопросъ: мыслимо ли такое общество? И послѣ этого вопроса другой: вѣроятно ли его возникновеніе?

Первый вопросъ выражаетъ собою требованіе указать теперь же элементы такой общественной связи, которая сводилась бы къ нормамъ цѣлесообразности.

Второй вопросъ—требованіе показать, что существуетъ объективная возможность расширенія такой связи до предѣловъ всего общества.

Отвѣтомъ на первый вопросъ намъ послу-

житъ картина внутреннихъ отношеній товарищескаго кружка.

Какъ совершается распредѣленіе труда въ группахъ этого типа? Внѣ зависимости отъ нормъ принужденія, и согласно нормамъ цѣлесообразности. Люди собираются и обсуждаютъ, какую именно часть общаго дѣла каждому изъ нихъ удобнѣе на себя взять. Общая цѣль является исходной точкой всѣхъ рѣшеній.

Что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о принудительности правовой, это очевидно само собою.

Исключается здѣсь и та ея варіація, которая обозначается, какъ обязательность «условнаго соглашенія». Обязательность эта заключается въ томъ, что человѣкъ подчиняется рѣшеніямъ своей группы, пока въ ней участвуетъ; если же не хочетъ подчиниться, то долженъ уйти. При товарищескихъ отношеніяхъ, въ ихъ чистой и развитой формѣ, этого нѣтъ. Если членъ группы заявляетъ, что та роль, которую предлагаютъ ему остальные, для него не подходитъ, что онъ не можетъ ее выполнить,—это не влечетъ за собою его исключенія изъ товарищеской организаціи.

О нравственной обязательности также не можетъ быть рѣчи. Никакой безусловный императивъ здѣсь не руководитъ дѣйствіями человѣка. Человѣкъ не можетъ взять на себя такую работу, которая мало гармонируетъ съ его привычками или даже прямо ему непріятна,—но онъ поступаетъ такъ или потому, что ее некому изъ товарищей выполнить, кромѣ него, т.-е. ради чисто практической цѣлесообразности, или потому, что ему хочется избавить другихъ товарищей отъ тяжелаго для нихъ труда,—стало быть, въ силу непосредственной симпатіи къ нимъ; а симпатія эта, какъ всякое непосредственное чувство, конечно, не заключаетъ въ себѣ ничего нормативнаго, ничего формально-обязательнаго.

Частныя цѣли отдѣльныхъ лицъ вытекаютъ здѣсь, такимъ образомъ, изъ ихъ общаго дѣла и возникающихъ на его почвѣ непосредственныхъ отношеній между ними; а дѣйствія опредѣляются нормами цѣлесообразности, соотвѣтственно этимъ цѣлямъ.

Таковъ высшій типъ трудовой организаціи въ своемъ *элементарномъ видѣ*.

XX.

Теперь передъ нами выступаетъ второй, болѣе трудный вопросъ: возможно ли расширеніе товарищеской организаціи труда, свободной отъ принужденія, до размѣровъ всего общества и далѣе—до предѣловъ человѣчества?

Отрицательный отвѣтъ представляется съ перваго взгляда единственно вѣроятнымъ. Аргументы въ его пользу толпятся такой массой, что не знаешь, съ чего начать.

Однако, изслѣдуя эти аргументы, легко свести ихъ къ двумъ типамъ: одни изъ нихъ имѣютъ исходную точку въ опредѣленномъ пониманіи самыхъ товарищескихъ отношеній, которымъ приписываются свойства, исключающія возможность ихъ безпредѣльнаго расширенія; другіе ссылаются на природу человѣка и общества, въ которой будто бы существуютъ условія, ставящія узкія границы такому расширенію. Разсмотримъ аргументы перваго рода.

Самый общій и самый серьезный изъ нихъ таковъ. Товарищескія отношенія—это по существу отношенія *кружковыя*. Они опираются на *личныя симпатіи* отдѣльныхъ людей

другъ къ другу; тамъ, гдѣ такихъ симпатій нѣтъ, товарищеская организація невозможна или нежизнеспособна; а между тѣмъ для каждаго человѣка область личнаго чувства ограничена, и, слѣдовательно, также ограничена сфера товарищеской связи людей: она не можетъ охватывать милліоны и милліарды личностей, образующіе общество и человѣчество.

Вся сила этого аргумента заключается въ смѣшеніи частной, конкретной формы товарищескихъ отношеній—и притомъ низшей ихъ формы—съ товарищескими отношеніями вообще, съ тѣмъ особымъ типомъ развитія, который они выражаютъ.

Сущность товарищеской организаціи заключается въ единствѣ цѣли, свободно—безъ всякаго принужденія — поставленной себѣ людьми и выходящей за предѣлы личныхъ интересовъ каждаго изъ нихъ. Въ раздробленномъ, анархичномъ обществѣ, гдѣ цѣли человѣческой дѣятельности чрезвычайно разнообразны и такъ мало связаны между собою, что противорѣчиво сталкиваются на каждомъ шагу,—въ такомъ обществѣ вполнѣ естественнымъ образомъ товарищеское единство цѣли выступаетъ на первыхъ по-

рахъ только въ маленькихъ группахъ людей, близко связанныхъ родствомъ, дружбой — вообще личными симпатіями, личными элементами жизни. Эта узкая непосредственная связь чувства упрочиваетъ собою и самое единство цѣли — любовь къ общему дѣлу сливается съ любовью къ людямъ, его выпыполняющимъ, и находитъ въ ней для себя лишнюю опору. Но все измѣняется помѣрѣ расширенія самого дѣла.

Тутъ личная близость и кружковая связь не только перестаютъ служить надежной опорою общей работы, но нерѣдко оказываются прямо вредными для нея. Привыкши связывать въ своемъ сознаніи стремленіе къ общей цѣли съ опредѣленными личностями и субъективно-односторонне оцѣнивая эти личности подъ вліяніемъ живой симпатіи къ нимъ, человѣкъ кружковой психологіи не мирится съ неизбѣжнымъ теперь въ силу интересовъ самого дѣла измѣненіемъ ихъ роли въ работѣ, и вноситъ свое недовольство, какъ источникъ раздора и противорѣчій, въ общую жизнь товарищеской организаціи. На этой стадіи развитія товарищеская связь не лишена еще къ тому же, нѣкоторой авторитарной окраски, — положеніе од-

нихъ товарищей, какъ признаваемыхъ руководителей, кажется болѣе «вліятельнымъ» и «почетнымъ», чѣмъ положеніе другихъ, и человѣкъ кружка нерѣдко готовъ даже вступить въ борьбу съ товарищами, лично ему не близкими и не симпатичными, изъ-за «мѣстъ» для «своихъ», для болѣе близкихъ и симпатичныхъ людей.

Такъ бываетъ нерѣдко въ жизни профессіональныхъ и политическихъ организацій товарищескаго типа при переходѣ ихъ отъ узко-групповой постановки дѣла къ болѣе широкой, особенно при сліяніи въ партію ряда отдѣльныхъ «кружковъ», долго работавшихъ независимо одинъ отъ другого. Тогда получается странная картина: люди, стремящіеся, повидимому, къ одной и той же цѣли и не расходящіеся даже въ основныхъ средствахъ ея достиженія, ведутъ ожесточенную борьбу между собою, безсмысленно растрачивая силы своего коллективнаго цѣлаго. Борьба эта заканчивается только тогда, когда побѣждаютъ въ ней группы, наименѣе пропитаныя духомъ кружка, наиболѣе проникнутыя идеей цѣлаго. Товарищеская организація освобождается тогда отъ господства личныхъ связей и симпатій и высту-

паетъ, какъ дѣйствительная коллективность, сплоченная реальнымъ единствомъ работы.

Впрочемъ, при анархическомъ, неорганизованномъ строеніи всего общества, при неизбѣжномъ въ его условіяхъ преобладаніи индивидуалистической психологіи, даже товарищеская организація по мѣрѣ своего расширенія принуждена одѣваться въ безличныя формы условнаго нормативнаго характера, въ формы организаціонныхъ «уставовъ». На видъ это такія же внѣшне-принудительныя нормы, какъ юридическія, обычныя, нравственныя и т. под.; по существу же онѣ совсѣмъ не таковы. Ихъ *обязательность* заранѣе подчинена ихъ *цѣлесообразности*; заранѣе признается возможность и даже необходимость ихъ нарушенія, какъ только онѣ оказываются въ явномъ противорѣчіи съ той общей цѣлью, ради которой возникла самая организація. Это не велѣнія личной или безличной *власти*, которая, не мотивируя, требуетъ повиновенія; это *организаціонныя нормы цѣлесообразности*, которыми устанавливаются наиболѣе цѣлесообразные способы *сотрудничества*. Въ нихъ нѣтъ, при нормальныхъ условіяхъ, того фетишизма, который составляетъ душу нормъ принужденія, который дѣлаетъ

изъ этихъ нормъ законы для постановки людьми самыхъ цѣлей ихъ дѣятельности, а не для выбора только наилучшихъ средствъ къ достиженію ихъ свободно поставленныхъ цѣлей.

Итакъ, принципіальная узость связей кружковыхъ отнюдь не означаетъ такой же узости связей товарищескихъ. Совсѣмъ напротивъ. Только путемъ устраненія элементовъ спеціально кружковыхъ могутъ товарищескія отношенія получить возможность свободнаго развитія.—Но это не значитъ, чтобы въ нихъ могли совершенно отсутствовать элементы симпатіи, чтобы товарищеская связь являлась по существу эмоціонально-холодной, узко-дѣловой связью. Нѣтъ, только симпатія здѣсь имѣетъ не такой узко-личный, индивидуалистическій характеръ, какъ, положимъ, въ отношеніяхъ дружбы, кровнаго родства, половой любви. Симпатія, основанная на сотрудничествѣ, на общей борьбѣ, на общей цѣли, можетъ быть *не менѣе* глубока, чѣмъ симпатія, основанная на обычныхъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ другого человѣка. Въ то же время по своему типу она болѣе совершенна въ томъ смыслѣ, что гораздо менѣе чувствительна къ случайностямъ

жизни, гораздо менѣе болѣзненна при неизбѣжныхъ жизненныхъ крушеніяхъ. Въ ней преобладаетъ *не состраданіе, а сорадованіе.*

Товарищъ дорогъ товарищу, какъ гармонично съ нимъ дѣйствующая сила въ общей борьбѣ, какъ частичное живое воплощеніе общей цѣли. Каждый успѣхъ въ этой общей борьбѣ, каждый шагъ къ этой общей цѣли служитъ богатымъ источникомъ той общей радости, въ которой взаимныя выраженія счастливыхъ переживаній углубляютъ и усиливаютъ ихъ радостный характеръ. Но неудача или пораженіе далеко не въ такой мѣрѣ влекутъ здѣсь за собою обмѣнъ проявленіями горя и печали,—этого не допускаетъ *активный* характеръ товарищеской связи. Товарищъ выбылъ изъ строя, товарищъ погибъ,—первая мысль, которая выступаетъ на сцену, это какъ *замѣнить* его для общаго дѣла, какъ заполнить пробѣлъ въ системѣ силъ, направленныхъ къ общей цѣли. Здѣсь не до унынья, не до погребальныхъ эмоцій,—все вниманіе направлено въ сторону дѣйствія, а не «чувства».—Отсюда та «безчувственность» къ страданіямъ товарищей, которая такъ поражаетъ филантропическихъ филистеровъ въ активныхъ политическихъ борцахъ.

Итакъ, по существу, товарищеская связь способна къ такому же безграничному расширенію, какъ сознательное сотрудничество, составляющее реальную основу этой связи. Симпатія узко-личнаго характера не только не является необходимымъ условіемъ товарищескихъ отношеній, но, наоборотъ, находится въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ тенденціей ихъ развитія. Это чувство, неизбѣжно играющее большую роль на раннихъ ступеняхъ развитія товарищеской организаціи, становится на слѣдующихъ его стадіяхъ препятствіемъ, которое необходимо преодолѣть. На мѣсто такой симпатіи выступаетъ иная, чуждая индивидуализма и мелочности, способная въ своемъ развитіи охватывать неопредѣленно-расширяющійся кругъ человѣческихъ личностей.

XXI.

Переходимъ къ другому ряду обычныхъ аргументовъ противъ защищаемой нами концепціи. Развѣ въ самой природѣ человѣка и общества нѣтъ коренныхъ условій, дѣлающихъ неизбѣжными жизненныя противорѣчія между людьми, и какъ необходимый ре-

зультатъ этихъ противорѣчій—принудительное регулированіе человѣческихъ отношеній внѣшними нормами? Условія эти неустранимы, пока человѣкъ есть человѣкъ, а не ангелъ; эгоистическіе инстинкты всегда будутъ вызывать столкновенія личныхъ интересовъ, и чтобы столкновенія эти въ своемъ прогрессивномъ развитіи и обостреніи не превратили людей въ настоящихъ волковъ, перегрызающихъ горло другъ другу, необходимо внѣшнее обузданіе закона, права, морали и т. д. Нормы же цѣлесообразности совершенно не могутъ замѣнить такого обузданія—онѣ одинаково будутъ указывать при однихъ условіяхъ наилучшіе способы помочь ближнему, при другихъ—наилучшіе способы перегрызть ему горло, ихъ условный императивъ опредѣляетъ средства, а не цѣли,—регулировать цѣли въ силахъ только императивъ категорическій, безусловное принужденіе.

Представьте себѣ—говорятъ представители такихъ взглядовъ — громадную желѣзнодорожную сѣть, гдѣ непрерывно движутся и скрещиваются тысячи поѣздовъ, гдѣ только величайшая точность въ выполненіи каждымъ изъ безчисленныхъ агентовъ общаго дѣла его спеціальной роли гарантируетъ не-

прерывность цѣлаго, гдѣ малѣйшая небрежность угрожаетъ гибелью тысячамъ человѣческихъ жизней и глубокимъ потрясеніемъ всей общественной системѣ. Что будетъ, если каждый изъ агентовъ руководится при этомъ лишь нормами цѣлесообразности, т.-е. въ сущности преслѣдуетъ повсюду свои собственныя цѣли, стараясь только достигать ихъ возможно быстрѣе и полнѣе, съ наименьшей затратой силъ? Пусть опытные спеціалисты составили самое лучшее, самое цѣлесообразное расписаніе, указывающее каждому работнику системы его функцію во всѣхъ ея подробностяхъ, — кто можетъ поручиться, что указанія эти будутъ всѣми строго выполняться? Все будетъ зависѣть отъ личнаго произвола каждаго изъ многихъ тысячъ работниковъ; не чувствуя надъ собой никакой принудительной силы, не опасаясь никакого наказанія они будутъ на каждомъ шагу поддаваться, индивидуальнымъ и случайнымъ настроеніямъ, ошибочнымъ расчетамъ и жизнь цѣлаго станетъ невозможной: сегодня усталый машинистъ найдетъ цѣлесообразнымъ остановить поѣздъ на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть, завтра кочегаръ предпочтетъ созерцаніе прекрасныхъ ланд-

шафтовъ утомительной топкѣ паровоза, послѣ-завтра стрѣлочникъ сочтетъ удобнымъ направить всѣ поѣзда на запасный путь, чтобы они тамъ подождали, пока онъ вернется съ любовнаго свиданія, и т. д., и т. д. Только суровое принужденіе можетъ непрерывно удерживать всякаго въ точныхъ границахъ его обязанностей.

Тѣ сильные аффекты—гнѣвъ, месть, половое влеченіе, ревность, — которые въ наше время такъ легко разрываютъ даже прочныя рамки закона и морали, тѣмъ болѣе не встрѣтятъ серьезнаго сопротивленія въ гибкихъ эластичныхъ формахъ чистой цѣлесообразности. Это будетъ полная свобода для преступленія. Спасительный страхъ не будетъ удерживать людей отъ крайностей и порывовъ,—и все соціальное потонетъ въ анархическомъ хаосѣ разнузданныхъ инстинктовъ. Безуміе и страхъ воцарятся на мѣстѣ разума и свободы.

Всѣ эти соображенія имѣютъ своей исходной точкою ту идею, что человѣческая природа въ основѣ своей неизмѣнна, что при всякихъ общественныхъ формахъ, при всякихъ историческихъ условіяхъ она остается эгоистичной, индивидуалистичной, какой

видимъ мы ее въ современномъ обществѣ. Вѣрная узко-личному интересу, она чужда идеи цѣлаго, и общественный интересъ, соціальная цѣлесообразность только тогда получаютъ для нея руководящее значеніе, когда при посредствѣ наказанія и принужденія, насилія и страха преобразуются въ личную цѣлесообразность, въ индивидуальный интересъ.—Къ счастью, съ человѣческой природой дѣло обстоитъ не такъ плохо, и представленіе объ ея неизмѣнности—давно пройденная ступень познанія.

Человѣкъ—производное своей общественной среды, учитъ современная историческая теорія. Если въ данную эпоху онъ является по существу индивидуалистомъ, то это именно потому, что такимъ создаетъ его современное общество, атомистически раздробленное, анархичное, построенное на конкурренціи и классовой враждѣ. Отражая собою это соціальное строеніе, человѣкъ не можетъ не быть индивидуалистомъ; но онъ не былъ имъ въ иномъ, иначе устроенномъ — первобытно-коммунистическомъ, родовомъ обществѣ. Тамъ личный интересъ не обособлялся отъ коллективнаго, тамъ человѣкъ органически сливался съ своимъ цѣлымъ—группою,

общиной, какъ сливаются клѣтки въ живыхъ тканяхъ. Понадобились тысячи лѣтъ развитія, чтобы человѣкъ сталъ выдѣлять свои личныя цѣли изъ общихъ цѣлей своей коллективности; и это случилось уже тогда, когда распалась первобытная связь общества, когда изъ маленькой организованной системы оно стало огромнымъ неорганизованнымъ аггрегатомъ.

Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что въ новомъ обществѣ, гдѣ исчезнетъ разъединяющая сила конкурренціи и классовой борьбы, исчезнетъ и та психологія разъединенія, въ которой личность противопоставляетъ себя со своими цѣлями и интересами другимъ личностямъ и всему обществу. Сознавая себя интегральной частью великаго цѣлаго, живя непрерывно единой съ нимъ жизнью, человѣкъ утратитъ даже представленіе объ эгоистическихъ, узко-индивидуальныхъ цѣляхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ излишними и регулирующія борьбу этихъ цѣлей нормы принужденія.

Даже въ современномъ обществѣ связь принужденія и насилія только въ общемъ и цѣломъ преобладаетъ надъ связью симпатіи и трудовой солидарности. Въ цѣлой массѣ

случаевъ эта послѣдняя всецѣло устраняетъ первую, и именно тогда коллективное дѣйствіе достигаетъ наибольшей силы и планомѣрности. Когда въ столкновеніи двухъ армій солдатъ одной изъ нихъ объединяетъ и ведетъ на бой принудительная сила долга, служебнаго и моральнаго, а солдатъ другой—живое непосредственное сознаніе общей цѣли въ видѣ любви къ родинѣ,—тогда мы хорошо знаемъ, которая изъ двухъ окажется на дѣлѣ организованнѣе и сильнѣе. Насколько живѣе, ярче и глубже должно проявляться сознаніе коллективной цѣли въ такомъ обществѣ, гдѣ цѣль эта выступаетъ на сцену не въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, но проникаетъ собою всю соціальную жизнь, непосредственно воплощаясь въ организованной системѣ коллективнаго труда.

XXII.

Тутъ аргументъ, опирающійся на «природу человѣка», измѣняетъ свою форму и превращается въ аргументъ, основанный на *природѣ общества*. Именно та самая коллективная организація труда, которая одна въ силахъ устранить антагонизмы личные, груп-

повые и классовые, и этимъ, будто бы, освободить путь для господства нормъ цѣлесообразности, именно она требуетъ для своего осуществленія громаднаго развитія принудительныхъ нормъ, громаднаго расширенія ихъ области. Въ самомъ дѣлѣ, общественное производство должно быть организовано такъ, чтобы полностью удовлетворять всѣ общественныя потребности. Для этого человѣческій трудъ долженъ быть цѣлесообразно распредѣленъ между всѣми отраслями производства; а какимъ путемъ достигнуть такого распредѣленія помимо внѣшне-принудительныхъ пріемовъ? Если предоставить каждому свободно опредѣлять для себя и родъ, и количество труда, то въ результатѣ наиболѣе интересныя и пріятныя отрасли труда будутъ постоянно переполнены работниками, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ недостатокъ рабочихъ силъ будетъ совершенно неизбѣжнымъ хроническимъ зломъ. Поэтому тамъ безусловно необходимо установленіе всеобщаго рабочаго дня, можетъ быть, не очень продолжительнаго, но обязательнаго для всѣхъ, и притомъ безъ права для каждаго отдѣльнаго лица по произволу выбирать себѣ работу. Такой принудитель-

ный рабочій день, очевидно, предполагаетъ періодическое полное подчиненіе личности внѣшней для нея силѣ общественнаго цѣлаго, и *исключаетъ* собою дѣйствительное господство нормъ цѣлесообразности.

Грозный призракъ государственной казармы, неумолимо приковывающей личность къ ненавистной для нея работѣ, призракъ «грядущаго рабства» жестоко тревожитъ сердце современнаго индивидуалиста. Великій ученый, проводящій ежедневно по восьми часовъ на отупляющей работѣ у ткацкаго станка, талантливый художникъ, отдающій столько же времени на выламываніе угля въ темной шахтѣ, геніальный романистъ за счетной конторской работой и т. д., и т. д.—всѣ эти каторжные ужасы отражаютъ одновременно и стихійное, инстинктивное отвращеніе нынѣшняго индивидуалиста къ тѣмъ высшимъ формамъ, которыя зарождаются въ глубинѣ нашего общества, и—глубочайшее ихъ *непониманіе*.

Трудъ — органическая потребность человѣка, и обществу нѣтъ надобности стегать личность бичомъ государственнаго или хотя бы моральнаго принужденія, чтобы заставить ее трудиться. Для нормальнаго, развивающа-

гося человѣка трудовой день, навѣрное, не 8 часовъ, а значительно больше. Посмотрите на проснувшагося къ жизни рабочаго, который послѣ 11—12 часовъ принудительной работы на фабрикѣ тратитъ еще цѣлые часы на интенсивнѣйшую работу самообразованія; посмотрите на активнаго политическаго работника, часто едва находящаго время ѣсть и спать послѣ самаго напряженнаго труда,—психологія этихъ представителей будущаго общества въ обществѣ современномъ достаточно ручается вамъ за то, что грядущій соціальный строй будетъ располагать колоссальною суммой свободнаго труда. Даже при нынѣшнихъ соціальныхъ отношеніяхъ, систематически воспитывающихъ высшіе классы въ паразитическомъ направленіи, — даже тутъ представители этихъ классовъ отнюдь не являются, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, простыми бездѣльниками; работаютъ обыкновенно даже чистѣйшіе рентьеры, хотя и меньше, чѣмъ другіе люди, — они только свободно избираютъ себѣ родъ труда, и, по большей части, въ силу классовыхъ предразсудковъ и другихъ ненормальныхъ условій жизни, избираютъ именно какой-нибудь наименѣе

содержательный, наиболѣе безполезный для общества.—Итакъ, есть всѣ основанія думать, что недостатка въ трудѣ будущее общество, и помимо всякихъ формъ принужденія, въ общемъ и цѣломъ испытывать отнюдь не будетъ.

Правда, можно думать, что даже въ общемъ и цѣломъ этотъ свободный трудъ заполнитъ далеко не всѣ сферы производства равномѣрно,—его въ цѣломъ рядѣ отраслей окажется слишкомъ мало. Здѣсь-то и выступаетъ вопросъ о принудительномъ пополненіи недостающаго. То *переходное коллективистическое общество*, которое будетъ организовано еще въ государственныхъ, въ правовыхъ формахъ, которое будетъ еще организаціей классоваго господства, организаціей власти пролетаріата, это общество, конечно, и прибѣгнетъ къ принудительному установленію рабочаго дня. Но уже здѣсь, очевидно, обязательный трудъ будетъ охватывать лишь нѣкоторую, съ самаго же начала едва ли значительную часть коллективно-необходимаго количества, такъ что врядъ ли мыслимъ не только 8-часовой, но даже 6- или 5-часовой «рабочій день». Въ распредѣленіи этой доли труда общество опять-

таки необходимо должно — въ интересахъ самой производительности труда—считаться по мѣрѣ возможности съ личными склонностями и вкусами работниковъ, и лишь постольку, поскольку и здѣсь окажется, что самораспредѣленіе работниковъ не соотвѣтствуетъ реальной потребности производства, на сцену выступитъ соціальная обязательность, принудительная норма.

Таково, однако, лишь переходное состояніе общества. Въ дальнѣйшемъ перемѣна должна совершаться въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, быстрое развитіе производительныхъ силъ само по себѣ будетъ уменьшать потребность въ принудительно организованномъ трудѣ; машина будетъ замѣнять здѣсь человѣка, освобождая его отъ работы, но не отъ средствъ къ жизни, какъ она дѣлаетъ это теперь. Съ другой стороны, въ новой общественной организаціи будетъ измѣняться самая психологія человѣка, становясь все болѣе соціальной, все менѣе индивидуалистичной. При этомъ свободное самораспредѣленіе труда будетъ все болѣе облегчаться: недостающее въ той или иной области производства количество труда будетъ быстро пополняться добровольными

работниками, для привлеченія которыхъ понадобится не сила общественнаго принужденія, а только статистическія таблицы, констатирующія общественную потребность. И это будетъ достигаться тѣмъ легче, что безконечно прогрессирующее развитіе машинъ дѣлаетъ все менѣе труднымъ переходъ отъ однихъ видовъ работы къ другимъ, а интенсивный ростъ энергіи человѣческаго организма будетъ постоянно порождать въ немъ стремленіе къ новой и новой смѣнѣ однихъ трудовыхъ процессовъ другими.

XXIII.

Итакъ, ни въ природѣ человѣка, ни въ природѣ общества нѣтъ такихъ условій, которыя исключали бы возможность развитія вплоть до полнаго устраненія внѣшнихъ нормъ и принудительныхъ отношеній, вплоть до полнаго господства нормъ цѣлесообразности и товарищескихъ отношеній между людьми. Остается еще одинъ, страшно важный вопросъ: насколько прогрессивны эти высшія формы жизни? Давая безпредѣльный просторъ развитію, даютъ ли онѣ достаточные стимулы къ нему? Ихъ гармонія не ве-

детъ ли къ застою, и ихъ стройность—къ неподвижности? Если бы это было такъ, то даже современный міръ, съ его болѣзненнымъ развитіемъ среди безчисленныхъ противорѣчій, былъ бы безконечно лучше того «высшаго» міра, гармонично и безболѣзненно процвѣтающаго въ безсмысленныхъ циклическихъ повтореніяхъ?

А между тѣмъ это именно такъ и есть,—рѣшительно утверждаютъ защитники индивидуализма. Только изъ противорѣчій общественной жизни рождается общественное развитіе, только конкурренція и борьба классовъ создаютъ движеніе прогресса. Развѣ родовыя общества, чуждыя этой борьбы и этихъ противорѣчій, не были самыми застойными, какія знаетъ исторія? Развѣ техническій прогрессъ — основа всякаго иного прогресса—не вызывается именно конкурренціей, заставляющей капиталистовъ искать новыхъ и новыхъ средствъ удержать за собою рынокъ среди отчаянныхъ нападеній соперниковъ? Развѣ самая смѣна общественныхъ формъ не обусловливается борьбою классовъ? А потому не очевидно ли, что устранить конкурренцію и борьбу классовъ, устранить общественныя противорѣчія сти-

хійнаго развитія — значитъ устранить прогрессъ техники и общественныхъ формъ, устранить развитіе вообще?

Не только конкурренція и прямая борьба, но даже простое соревнованіе должно исчезнуть тамъ, гдѣ исчезаютъ индивидуалистическія чувства, потому что оно изъ нихъ всецѣло вытекаетъ, потому что для него нѣтъ почвы тамъ, гдѣ личность не противопоставляетъ себя другимъ личностямъ. Откуда же возьмутся стимулы развитія?

Отвѣтъ очень нетруденъ. Борьба между людьми, ихъ конкурренція, соревнованіе—все это только *производные* стимулы развитія, и за ними скрываются иные, глубже ихъ лежащіе — стимулы *первичные*. Эти послѣдніе возникаютъ тамъ, гдѣ человѣкъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ природой, гдѣ въ непосредственной борьбѣ съ нею онъ самъ выступаетъ какъ производительная, какъ творческая сила. Вотъ неутомимый путешественникъ ведетъ свою одинокую, отчаянную борьбу съ полярной природой, вотъ страстный охотникъ ежечастно рискуетъ своею жизнью въ истребительной войнѣ съ хищниками, вотъ упорный изобрѣтатель безъ отдыха напрягаетъ свою мысль и свое воображеніе, чтобы

подчинить человѣку еще одну изъ стихійныхъ силъ вселенной, вотъ идеалистъ ученый съ непреклонною энергіей стремится вырвать у природы ея тайну,—эти люди переживаютъ наиболѣе быстрое, наиболѣе интенсивное развитіе, а развѣ *только* конкурренція или соревнованіе съ другими людьми двигаютъ при этомъ ихъ волей? Конечно, нѣтъ; эти мотивы имѣютъ для нихъ наименьшее значеніе.

Всюду, гдѣ дается новый и новый матеріалъ опыта, и всюду, гдѣ обнаруживается дисгармонія въ старомъ ея матеріалѣ,—тамъ начинается прогрессивная, творчески-гармонизирующая работа психики. Родовое общество теряло свой консерватизмъ и начинало преобразовывать технику, когда абсолютное перенаселеніе проявляло себя въ общемъ голоданіи, — конкурренціи между отдѣльными людьми при этомъ не требовалось. Открытіе Америки съ той массой новаго жизненнаго содержанія, которую принесло оно человѣчеству, и безъ всякаго соревнованія способно было преобразовать всю жизнь человѣчества. Врагъ-человѣкъ не сильнѣе и не вѣрнѣе толкаетъ человѣка на путь развитія, чѣмъ другой великій врагъ — и въ то же

время полный таинственнаго очарованія другъ его—природа.

При полномъ взаимномъ пониманіи людей широта товарищескаго общенія между ними въ будущей соціальной системѣ гарантируетъ для личности постоянный притокъ новыхъ и новыхъ переживаній, новаго и новаго матеріала опыта. Въ тоже время исторически-выработанная и ставшая привычной тонкая и сложная гармонія жизни обусловитъ высшую чувствительность ко всякой возникающей дисгармоніи. Эти условія интенсивнѣйшаго развитія представляютъ прямую противоположность съ тѣми, какія создаются въ нашемъ современномъ мірѣ. Здѣсь «дробленіе» человѣка, порождаемое спеціализаціей, понижаетъ степень взаимнаго пониманія людей и суживаетъ сферу ихъ общенія; а въ то же время *привычка* къ жизненной дисгармоніи, естественно возникающая тамъ, гдѣ человѣка на каждомъ шагу окружаютъ противорѣчія, притупляетъ чувствительность ко всякой новой дисгармоніи. Мы изъ опыта нашихъ дней хорошо знаемъ до чего можетъ въ эпоху острыхъ общественныхъ кризисовъ доходить эта нечувствительность людей къ самымъ ужаснымъ, до безумія чудовищно проявляющимся противорѣчіямъ жизни.

Та внутри-общественная борьба, въ которой индивидуалистъ видитъ единственный и безусловно необходимый двигатель прогресса, въ дѣйствительности является не только двигателемъ, но отчасти и тормозомъ прогресса: она растрачиваетъ *силы* и разсѣиваетъ творческое *вниманіе* человѣка. Первое понятно само собою; второе также становится въ высшей степени очевиднымъ, если ясно себѣ представить, что побѣда въ борьбѣ человѣка съ людьми, хотя бы и въ экономической борьбѣ, очень часто достигается и такими путями, которые ничего общаго съ соціальнымъ прогрессомъ не имѣютъ. Сколько ума и изобрѣтательности, пригодныхъ для лучшаго дѣла, тратится на спекуляцію и биржевыя продѣлки! И въ то же время возможность введенія машинъ въ производствѣ значительно суживается оттого, что условіемъ этого введенія служитъ не ихъ полезность, а ихъ прибыльность, не сбереженіе, при ихъ помощи, труда работниковъ, а увеличеніе процента.

Всѣ эти побочныя вредныя дѣйствія совершенно чужды тому *всеобщему и основному* двигателю прогресса, какимъ является непосредственная борьба человѣка съ природою.

Степень прогрессивности товарищескихъ

организацій находится въ наиболѣе тѣсной зависимости отъ широты общенія между людьми, какая въ нихъ достигается. Узкіе кружки съ ихъ бѣднымъ жизненнымъ содержаніемъ, неминуемо впадаютъ въ консерватизмъ по мѣрѣ того, какъ исчерпывается все новое, что могутъ ихъ члены дать другъ другу. Крупныя товарищескія организаціи развиваются гораздо дольше, интенсивнѣе,— въ зависимости опять-таки отъ ихъ широты: коммунистическія общины съ нѣсколькими сотнями участниковъ послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ процвѣтанія переходятъ къ вырожденію, политическія партіи аналогичнаго типа со многими тысячами членовъ растутъ и крѣпнутъ и вырабатываютъ новыя формы все быстрѣе и энергичнѣе, не обнаруживая никакого истощенія.

Все это съ полной опредѣленностью приводитъ къ тому выводу, что наибольшая скорость и энергія прогресса, наибольшая его разносторонность и гармоничность могутъ быть достигнуты только въ такомъ обществѣ, которое своею соціальною формою будетъ имѣть товарищеское сотрудничество, своими рамками—границы человѣчества. Тамъ силы развитія станутъ безпредѣльны.

III.

Проклятые вопросы философіи.

У моря пустыннаго, моря полночнаго
Юноша грустный стоитъ.
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова,
И мрачно волнамъ говоритъ онъ:
„О, разрѣшите мнѣ, волны,
Загадку жизни—
Древнюю, полную муки загадку!
Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ, съ перьями шапкахъ,
Головъ въ парикахъ, и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильнихъ...
Скажите мнѣ волны, что есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? Куда пойдетъ?
И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?
Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды, безучастно-холодныя;
И дуракъ ожидаетъ отвѣта!

Г. Гейне.

Тѣ философскіе вопросы, съ которыми гейневскій герой обращается къ морскимъ волнамъ послѣ того какъ безъ успѣха обращался въ современной ему нѣмецкой идеалистической философіи Фихте, Шеллинга и

Гегеля, эти «послѣдніе», «высшіе» или «вѣчные» вопросы не во всѣ времена обнаруживаютъ тѣ свойства, за которыя получили характеристику «проклятыхъ». Такъ называемыя «органическія» эпохи, когда общественный міръ стоитъ твердо на своихъ китахъ, и эти серьезныя флегматичныя животныя, не тревожимыя острыми гарпунами практическихъ противорѣчій и идейной критики, не проявляютъ опасной склонности ворочаться съ боку на бокъ и нырять,— органическія эпохи, въ сущности, не знаютъ проклятыхъ вопросовъ. Если бы нашъ симпатичный молодой метафизикъ адресовалъ свои вопросы, напримѣръ, къ тому нетронутому капитализмомъ и культурой натурально-хозяйственному мужичку, который въ свое время былъ настоящимъ «китомъ» для цѣлаго стройнаго, полнаго надеждъ міровоззрѣнія, а нынѣ превратился почти въ миѳическое существо,—то отвѣты получались бы опредѣленные и вразумительные, чуждые всякой «тревоги» и «сомнѣній». Правда, эти отвѣты не удовлетворили бы, вѣроятно, нашего героя, можетъ быть, показались бы ему вовсе даже не отвѣтами,—но это именно потому, что онъ представитель совершенно

иной, «критической» или «переходной» эпохи, которая уже выполнила одну половину дѣла— покончила со старыми отвѣтами, но не успѣла выполнить другой—покончить со старыми вопросами.

Философское и теологическое образованіе «мрачнаго юноши» не можетъ подлежать сомнѣнію. Онъ знакомъ со всевозможными отвѣтами, какіе когда-либо давались мудрецами человѣческаго рода на занимающіе его вопросы. Почему же онъ не въ состояніи успокоиться ни на одномъ изъ этихъ вопросовъ? Что довело его до такого безнадежнаго къ нимъ недовѣрія, что морскія волны кажутся ему болѣе компетентными въ метафизикѣ, чѣмъ мудрые авторы этихъ отвѣтовъ, и что даже головы означенныхъ мудрыхъ людей онъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ классифицировать по тѣмъ колпакамъ, которыми онѣ украшены?

Во всѣхъ отвѣтахъ метафизиковъ и теологовъ онъ нашелъ одно общее и крайне прискорбное свойство: развертываться въ безконечные ряды, не двигаясь съ мѣста.

«Въ чемъ состоитъ существо человѣка?» спрашиваетъ, напримѣръ, онъ, и ему, положимъ, отвѣчаютъ: «въ безсмертной душѣ».

«А въ чемъ существо этой души?» спрашиваетъ онъ тогда. Допустимъ, что на это дается такой отвѣтъ: въ вѣчномъ стремленіи къ абсолютному идеалу добра, истины и красоты. «А что такое этотъ идеалъ?»— продолжаетъ онъ; и когда ему дадутъ опредѣленіе: идеалъ этотъ есть то-то и то-то,— онъ вынужденъ спрашивать дальше: «Что есть это самое «то-то и то-то», которое заняло мѣсто сказуемаго при подлежащемъ «абсолютный идеалъ?»—и т. д., безъ конца. Предъ нимъ выступаетъ какъ будто безконечный рядъ отраженныхъ образовъ въ двухъ параллельныхъ зеркалахъ. Успокоиться на какомъ-нибудь изъ отвѣтовъ его умъ можетъ такъ же мало, какъ его зрѣніе остановиться на которомъ-нибудь изъ отраженій. Напротивъ, образы становятся все болѣе тусклыми, отвѣты все менѣе понятными, чувство неудовлетворенности возрастаетъ.

Та же исторія повторяется съ каждымъ изъ «проклятыхъ» вопросовъ; и нашъ юный философъ, видя, что не можетъ ни отъ кого добиться иныхъ отвѣтовъ, кромѣ еще болѣе «проклятыхъ», впадаетъ въ вполнѣ понятное отчаянье. Мудрецы пытаются объяснить ему, что это совершенно неосновательно, что во

всемъ виноватъ онъ самъ. Они говорятъ: «молодой человѣкъ, вы впали въ очень грубую ошибку, безконечно растягивая цѣпь вопросовъ. Вы можете, разумѣется, по поводу всякой вещи, по поводу всякаго опредѣленія спрашивать—что такое это? что такое то?—но вопросы эти не всегда имѣютъ разумный смыслъ. Есть вещи, непосредственно извѣстныя, непосредственно очевидныя и понятныя; всякая попытка опредѣлить ихъ, во-первыхъ, безцѣльна, потому что онѣ не нуждаются въ опредѣленіи, во-вторыхъ, неосуществима, потому что нѣтъ ничего болѣе ихъ извѣстнаго, черезъ что ихъ можно было бы опредѣлить. Разъ вы дошли до нихъ, вы достигли цѣли и должны остановиться; дальнѣйшіе вопросы представляютъ уже только злоупотребленіе грамматическими формами и нашимъ терпѣніемъ».

— Прекрасно,—замѣчаетъ мрачный юноша,—такъ будьте же любезны указать мнѣ, гдѣ то непосредственно извѣстное, о которомъ вы говорите. Я спрашивалъ васъ, въ чемъ состоитъ существо человѣка; вы мнѣ сказали: въ безсмертной душѣ. Ужъ не она ли должна быть непосредственно для меня очевидна и понятна?

— Конечно, да!—подхватываетъ одинъ мудрецъ,—развѣ вы не чувствуете ее въ себѣ, развѣ вы не сознаете себя, свое духовное «я», такъ рѣзко и ясно выдѣляющееся среди всего міра? Неужели тутъ нужны еще какія-нибудь опредѣленія?

— Такъ вотъ, представьте себѣ, что для меня это «я» совсѣмъ не ясно и не понятно. Иногда мнѣ кажется, что я его дѣйствительно чувствую и отличаю отъ всего остального; иногда, напротивъ, оно совсѣмъ куда-то ускользаетъ и становится неуловимо; а иногда я замѣчаю, что оно у меня не одно, а какъ-будто ихъ нѣсколько. Какъ же мнѣ не спросить, что оно въ сущности такое?

— Въ этомъ вы совершенно правы,—снисходительно замѣчаетъ другой мудрецъ.— Эмпирическое «я», которое старые теологи смѣшивали съ душою, отнюдь не есть что-либо опредѣленное; это не болѣе, какъ хаосъ переживаній. Въ немъ надо выдѣлить то абсолютное, нормальное «я», которое составляетъ подлинную сущность человѣческой личности, ея безсмертную душу. Именно это «я» вы сознаете въ себѣ, когда подчиняете свои переживанія высшимъ этическимъ, эстетическимъ и логическимъ нормамъ, когда

стремитесь къ абсолютному добру, красотѣ, истинѣ.

— Увы, почтеннѣйшій,—съ грустью отвѣчаетъ нашъ герой,—съ этими вашими абсолютами дѣло обстоитъ для меня еще хуже, чѣмъ съ душой вообще. Вчера мнѣ казалось, что я стремлюсь къ абсолютному добру, отдаваясь порыву патріотической ненависти къ врагамъ отечества и подавляя всѣ противоположныя сувства,—а сегодня я вижу, что это была оргія пошлаго шовинизма, враждебнаго истинному идеалу. Вчера я старался обуздывать чувственныя страсти, стремясь, какъ мнѣ казалось, къ высшей духовной красотѣ, а сегодня я подозрѣваю, что въ основѣ этого обузданія лежала просто подлая трусость передъ стихійными силами моей собственной природы. Какъ же мнѣ не спросить васъ, что такое ваши абсолютные идеалы?

Очевидно, несчастіе молодого философа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его отличіе отъ тѣхъ мудрецовъ, которые предлагали ему свои рѣшенія вѣчныхъ задачъ, сводится къ полной невозможности найти въ своихъ переживаніяхъ что-нибудь достаточно опредѣленное и непосредственно-понятное, чтобы оно могло послужить надежнымъ базисомъ и критеріемъ

для всего остального. Если человѣкъ старыхъ временъ употреблялъ выраженіе «моя душа», то онъ хорошо зналъ, о чемъ говоритъ: то было его сегодняшнее сознаніе, которе лишь незамѣтно отличалось отъ вчерашняго и завтрашняго, которое представляло прочный и консервативный въ своихъ повтореніяхъ комплексъ переживаній, а потому и воспринималось какъ нѣчто вполнѣ извѣстное и само собою понятное. Привычное не возбуждаетъ вопросовъ и недоумѣній, человѣкъ не можетъ видѣть въ немъ никакой загадки; силою многократнаго повторенія даже самое смутное понятіе, какъ о томъ свидѣтельствуетъ вся исторія религіозныхъ догматовъ, получаетъ въ концѣ-концовъ окраску величайшей достовѣрности и очевидности. Различныя мелкія божества католической религіи, съ которыми ежедневно вступаетъ въ молитвенное общеніе итальянскій крестьянинъ, для него ничуть не менѣе реальны и несомнѣнны, чѣмъ его сосѣди, съ которыми онъ бесѣдуетъ и ссорится. Чѣмъ консервативнѣе сознаніе, тѣмъ больше въ немъ сам очевиднаго и самопонятнаго, того, чт порождаетъ сомнѣній, а, наоборотъ, мс служить опорой противъ всякихъ сом

базисомъ для надежныхъ и убѣдительныхъ отвѣтовъ на всякіе вопросы.

Въ своей психикѣ нашъ герой не находитъ ничего достаточно устойчиваго и консервативнаго, ничего настолько «непосредственно-извѣстнаго», чтобы можно было остановиться и съ успокоеннымъ сердцемъ сказать: «вотъ это для меня понятно и не требуетъ ни вопросовъ, ни объясненій; и такъ же будетъ понятно все, что мнѣ удастся свести къ этому». Всѣ отвлеченности, которыми угощаютъ его мудрецы, кажутся ему *перемѣнными*, неопредѣленными и сомнительными по содержанію. Всѣ опредѣленія, которыми ему пытаются помочь, кажутся ему безплодной игрою со смутными и туманными образами, въ которыхъ нѣтъ жизни и силы, чтобы матеріализоваться. «Mobilis in mobili»—«измѣняющійся въ измѣнчивой средѣ»—таково трагическое положеніе, которое дѣлаетъ совершенно безнадежными, съ его точки зрѣнія, всѣ усилія философскихъ головъ, безъ различія ихъ уборовъ, въ дѣлѣ рѣшенія «вѣчныхъ» вопросовъ—вопросовъ о неизмѣнномъ и неподвижномъ въ жизни.

На сцену выступаетъ новое лицо, для котораго мрачный юноша, къ своему удивленію,

не находитъ мѣста въ своей классификаціи философскихъ головъ. Это—критикъ-позитивистъ, который, вмѣсто измышленія отвѣтовъ на «проклятые» вопросы, ставитъ вопросъ о самыхъ этихъ вопросахъ, объ ихъ законности и логической состоятельности.

«Вы хотите знать, въ чемъ состоитъ «сущность» человѣка, жизни, міра?—говоритъ онъ:—но постарайтесь сначала выяснить себѣ, что собственно, подразумѣваете вы подъ этимъ словомъ «сущность». Оно означаетъ неизмѣнную основу явленій, тотъ абсолютно постоянный субстратъ, который скрывается подъ ихъ непостоянной оболочкой. Это слово имѣло смыслъ для вашихъ предковъ, которые *не знали*, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего неизмѣннаго, ничего абсолютно-постояннаго. Они выдѣляли изъ дѣйствительности болѣе устойчивые элементы и сочетанія и, считая ихъ, по недостатку наблюденій и опыта, за абсолютно устойчивые, называли ихъ «сущностью» данныхъ вещей и явленій. Вамъ же хорошо извѣстно, что абсолютно постоянныхъ камбинацій вовсе нѣтъ, что въ каждомъ явленіи каждый его элементъ можетъ исчезнуть и смѣниться новымъ; и если вы, стремясь добраться до сущности, устра-

ните изъ дѣйствительности все, что въ ней измѣнчиво и что, слѣдовательно, не соотвѣтствуетъ самому понятію сущности, то у васъ *ничего* не останется. Останется только слово «сущность», выражающее вашу попытку найти неизмѣнное въ измѣненіяхъ, попытку безнадежную по своей внутренней, логической противорѣчивости. И всѣ ваши вопросы, въ которыхъ фигурируетъ это слово, такъ же логически противорѣчивы, какъ выражаемое имъ понятіе. Въ нихъ не больше разумнаго смысла, чѣмъ, напр., въ вопросѣ, какъ великъ объемъ данной поверхности или изъ какого дерева сдѣлано желѣзо.

«Другіе ваши вопросы—о «происхожденіи» человѣка, жизни, міра, происхожденіи не въ смыслѣ научнаго опыта и наблюдаемой послѣдовательности явленій, а въ смыслѣ абсолютнаго, внѣ-опытнаго, творческаго первоисточника,—вопросы эти выражаютъ стремленіе найти послѣднюю причину всего существующаго. Но понятіе причины возникло изъ опыта и относится къ опыту, оно выражаетъ связь между однимъ и другимъ предметомъ, между однимъ и другимъ явленіемъ; внѣ отдѣльныхъ, данныхъ предметовъ и явленій оно лишено всякаго смысла. Между

тѣмъ, то «все», о которомъ вы спрашиваете, отнюдь не есть какой-либо данный предметъ или данное явленіе,—оно есть безконечно развертывающееся содержаніе, къ которому принадлежатъ всѣ предметы и явленія; примѣнять къ нему понятіе причины, значитъ принимать его за нѣчто данное, ограниченное,—а оно безгранично и никогда не дано намъ. И, опять-таки, ваши предки знали, что говорили, когда ставили вопросъ о причинѣ всего, о твореніи міра. Ихъ «все», ихъ «міръ» представлялъ изъ себя, дѣйствительно, нѣчто данное и вполнѣ ограниченное, хотя бы въ ихъ мысли; имъ чужда была идея о безконечности бытія, природа была для нихъ только очень большой вещью, для которой они подыскивали и соотвѣтственно большую причину. Но вы, имѣющій понятіе и объ экстенсивной и объ интенсивной безконечности существующаго, какъ можете вы ставить объ этой безконечности вопросъ, относящійся только къ конечному? Вы, знающій, что «все» не есть объектъ возможнаго опыта, а только символъ его безпредѣльнаго расширенія, какимъ образомъ хотите вы обращаться съ этимъ «все», какъ съ однимъ изъ такихъ объектовъ? Поистинѣ, вопросъ вашъ

подобенъ вопросу ребенка о томъ, сколько верстъ отъ земли до небеснаго свода или сколько лѣтъ Господу Богу.

«Третій рядъ вашихъ вопросовъ относится къ «смыслу» т.-е. къ «цѣли», существованія человѣка, жизни, міра. Здѣсь недоразумѣніе еще очевиднѣе. Понятіе «цѣли» заимствовано изъ психическаго опыта, изъ области сознанія; оно выражаетъ связь между *представленіями* сознательнаго существа и результатами его дѣйствій. Слѣдовательно, вопросъ о цѣли міра и жизни заранѣе предполагаетъ уже наличность какого-то сознательнаго существа, которое стремится своими дѣйствіями достигнуть опредѣленныхъ результатовъ, т.-е., очевидно, обладаетъ опредѣленными потребностями, для удовлетворенія которыхъ средствомъ или однимъ изъ средствъ служитъ міровой процессъ и жизнь человѣка. Но гдѣ нашли вы такое существо, и что даетъ вамъ право a priori предположить его наличность? Вполнѣ естественно и понятно, что ваши предки, жившіе въ атмосферѣ рабства и подчиненія, привыкшіе во всевозможныхъ случаяхъ жизни играть роль средства для цѣлей чужого расчета и произвола, что они повсюду присоединяли къ наблюдаемымъ дѣйствіямъ

людей и даже къ явленіямъ мертвой природы мысль о деспотической волѣ, которой служатъ эти дѣйствія или явленія. Но вы, человѣкъ, знакомый съ идеями свободы и даже съ борьбою за свободу, вы, практически отрицающій рабство и подчиненіе, а теоретически признающій ихъ за пройденную ступень развитія человѣчества, почему въ сферѣ высшихъ обобщеній вы ставите вопросъ такъ, какъ будто не можете и вообразить себя иначе, какъ рабомъ чьей-то чужой воли? И при этомъ вопросъ вашъ оказывается такъ же мало мотивированъ, такъ же плохо обоснованъ, какъ если бы вы, напр., спрашивали у голоднаго человѣка, по чьей просьбѣ онъ собирается обѣдать, или у падающаго съ колокольни—по чьему порученію онъ спѣшитъ.

«Итакъ, бросьте эти безсмысленныя комбинаціи словъ, называемыя «вѣчными вопросами»; на нихъ не требуется отвѣта, потому что это—вопросы только по грамматической формѣ, а не по логическому содержанію; и, кромѣ отрицанія самой ихъ постановки, всякій иной отвѣтъ на нихъ былъ бы такой же, какъ и они сами, нелѣпостью».

Юный вопрошатель, прошедшій школу

кантовской «Критики чистаго разума», не можетъ отрицать законности постановки вопроса о критикѣ самыхъ вопросовъ, которые его занимаютъ. Послѣ нѣсколькихъ возраженій и попытокъ защитить эти вопросы, онъ приходитъ къ выводу, что съ формальной стороны отстаивать ихъ—дѣло безнадежное. Тогда онъ обращается къ своему собесѣднику съ такимъ заявленіемъ:

«Я допускаю, что логически вы совершенно правы, что волнующіе меня вопросы нелогичны и противорѣчивы. Но отчего же ваши аргументы, противъ которыхъ я уже не въ силахъ возражать, не убѣждаютъ меня настолько, чтобы я отказался хотя отъ одного изъ этихъ вопросовъ? Отчего, когда я принуждаю себя стать на вашу точку зрѣнія, отвергнутые вопросы напоминаютъ о себѣ тоской и болью въ душѣ, и черезъ минуту вновь всплываютъ, прорывая всякія логическія преграды? Отчего они такъ *неустранимы* изъ моего сознанія, и даже кажутся для меня дороже всего остального, что я въ немъ имѣю? Я думаю, что не въ одной логикѣ дѣло, и что теоретическій разумъ некомпетентенъ отвергать и даже подвергать критикѣ то, что рождается изъ глубочайшихъ

глубинъ практическаго разума. Можетъ быть, нелогичность вопросовъ означаетъ только то, что они выше логики?»

«Мой другъ,—отвѣчаетъ критикъ-позитивистъ,—если вамъ угодно отрицать логику, то никакой споръ съ вами, никакая попытка убѣдить васъ вообще не могутъ имѣть мѣста. Но посмотрите, до чего жалкій видъ имѣетъ то подобіе аргументаціи, которое вы примѣняете въ защитѣ своихъ вопросовъ. Развѣ тоска и боль въ душѣ могутъ доказать что-нибудь, кромѣ болѣзни? Развѣ неустранимость изъ сознанія не свойственна многимъ окончательно опровергнутымъ иллюзіямъ, напр., хотя бы иллюзіи движенія солнца вокругъ земли, или движенія луны и звѣздъ вмѣстѣ съ вашей особой, когда вы идете? А ваше соображеніе, что нелогичное можетъ быть выше, а не ниже логики,—скажите, что можетъ быть печальнѣе въ смыслѣ убѣдительности, чѣмъ такія «можетъ быть—соображенія»? И напрасно вы прячетесь подъ пріоритетъ практическаго разума надъ теоретическимъ; этотъ удобный догматъ—да не вмѣнится онъ покойному Канту въ день страшнаго суда!—никакъ не можетъ отмѣнить логику, ибо то, что называется разу-

момъ, по самому понятію «разума» должно подчиняться логикѣ. Итакъ, бросьте безплодныя умствованія надъ несуществующими вопросами,—ваши юныя силы могутъ пригодиться на что-нибудь лучшее!»

«Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ,—нервно протестуевъ нашъ вопрошатель.—Нѣтъ для меня на свѣтѣ ничего ни лучшаго, ни худшаго, пока не рѣшены эти вопросы; а если они нелѣпы, то къ чему я самъ, и не все ли равно, куда я растрачу свои силы? Нѣтъ цѣли, нѣтъ смысла въ жизни, все течетъ и измѣняется, призраки рождаются изъ призраковъ, и ничего нѣтъ за ними, кромѣ безконечной, зіяющей пустоты. Къ чему мнѣ тогда ваша логика, ваша наука, ваша критика и ваши положительныя знанія? Не могу я вамъ повѣрить, даже если за васъ очевидность; ибо что мнѣ въ такой холодной безжизненной очевидности?»

«И знаете ли что?—прибавляетъ вдругъ онъ, останавливая свой пристальный, горящій взглядъ на грустно-насмѣшливомъ лицѣ своего собесѣдника,—вы, вѣдь и сами не вполнѣ себѣ вѣрите. Тамъ, въ темной глубинѣ вашей души, осталось то, противъ чего вы боретесь; что такъ горячо отрицаете.

И я, милостью Божіей психологъ и поэтъ, которому дано проникать въ человѣческое сердце дальше, чѣмъ другимъ людямъ,—я говорю вамъ: только ваша борьба противъ этихъ проклятыхъ вопросовъ спасаетъ васъ отъ ихъ фатальнаго вліянія. Если бы эта борьба кончилась, вы убѣдили бы всѣхъ и самого себя, и некому было бы доказывать то, что вы мнѣ пытались доказать,—эта побѣда превратилась бы въ величайшее пораженіе. Холодъ охватилъ бы вашу опустошенную душу, бездна раскрылась бы передъ нею, и изъ ея темной глубины возстали бы все тѣ же, ненавистные и неизбѣжные, проклятые вопросы.

«Да, *этой* болѣзни не вылѣчитъ ваша безпощадная хирургія. Вамъ приходится изрѣзать всего паціента—и останется отъ него только система lege artis наложенныхъ повязокъ. Лучше пойду я, неисправимый, допрашивать волны; если онѣ и не сумѣютъ мнѣ отвѣтить, то дадутъ мнѣ минуту забвенія въ уносящемъ всякіе вопросы созерцаніи. А пройдетъ эта минута, и вновь обступятъ мою душу проклятые гости,—ну, тогда, можетъ быть, я обращусь къ волнамъ за другой услугой: въ ихъ холодныхъ объятьяхъ

можно навѣкъ избавиться отъ тревогъ и сомнѣній, все смоютъ онѣ, чистыя, прозрачныя...»

Позитивистъ удаляется, сострадательно пожимая плечами, и молодой философъ остается одинъ со своими мыслями.

Пойдемъ же и мы, въ свою очередь, побесѣдовать съ нимъ объ этихъ мысляхъ. Правда, поступая такъ, мы впадаемъ въ несомнѣнный анахронизмъ,—но что значатъ анахронизмы для «вѣчныхъ» вопросовъ? Къ тому же, мы на три четверти вѣка старше его, потому что явились на свѣтъ тремя поколѣніями позже; и можетъ быть, тотъ большій опытъ, который стоитъ за нашими плечами, дастъ какія-нибудь указанія или намеки на выходъ изъ той мучительной безысходности, которая такъ угнетаетъ этого симпатичнаго идеалиста временъ минувшихъ.

Онъ спрашиваетъ о сущности человѣческаго сознанія, объ его послѣдней причинѣ, объ его конечной цѣли; соотносительные вопросы о *мірѣ* подразумѣваются при этомъ сами собою. Что же получилъ бы онъ въ случаѣ удачнаго рѣшенія вопросовъ? Въ чемъ ихъ жизненный смыслъ?

«Сущность»—этотъ неизмѣнный субстратъ

измѣненій—дала бы ему твердую, устойчивую *точку опоры* въ хаосѣ непрерывнаго движенія, вѣчной смѣны формъ въ немъ самомъ и въ окружающей средѣ. Къ «сущности» могъ бы онъ апеллировать, на ней успокаиваться каждый разъ, какъ его познаніе и воля терялись бы въ этомъ хаосѣ, каждый разъ, какъ опасное головокруженіе угрожало бы отнять его силы и радость жизни.

А «послѣдняя причина», эта остановка на пути безконечно развертывающагося въ прошлое познанія причинъ? Она, очевидно, была бы также точкой опоры именно — *точкой опоры въ прошломъ*.

Такова же и «конечная цѣль» — *точка опоры въ будущемъ*.

Кто ищетъ для себя съ тоской и тревогой точекъ опоры въ жизни? Тотъ, у кого ихъ нѣтъ, кого уноситъ куда-то и уноситъ противъ его воли, — потому что пловецъ, добровольно и радостно отдающійся волнамъ, не мучится въ это время тревогой и тоскою по прибрежнымъ скаламъ.

Уноситъ противъ воли и неизвѣстно куда! Вотъ въ чемъ трагизмъ положенія нашего идеалиста, и не его одного...

Что же уноситъ? Космическія силы—дви-

женіе земли вокругъ солнца, движеніе солнечной системы вокругъ неизвѣстнаго центра?.. Ну, объ этомъ нашъ философъ не особенно безпокоится... Съ этимъ давно примирилось его сознаніе, и законы тяготѣнія кажутся ему достаточной точкой опоры въ безконечномъ плаваньи по астрономическимъ безднамъ. У него даже срывается иногда легкомысленная шутка по поводу космическаго «perpetuum mobile».

«...А тамъ—это яркое солнце—
Не красный ли спьяну то носъ
Властителя міра, Зевеса,—
И около этого краснаго носа
Не спьяну ли міръ кружится?»

Надъ чѣмъ весело и беззаботно смѣются, къ тому не относятся, очевидно, съ особенной «тревогой и сомнѣніемъ», и не изъ этого движенія рождаются фатальные вопросы о точкахъ опоры...

А смерть? Можетъ быть, это она, неизбѣжная и безпощадная, наполняя сознаніе инстинктивнымъ страхомъ, мучительнымъ и смутнымъ, какъ кашмаръ,—можетъ быть, она произвела на свѣтъ эти злые призраки? Но она для человѣка—не движеніе, а конецъ движенія, остановка на пути, и ужъ,

конечно, не изъ нея возникаетъ задача— найти точки опоры въ движеніи жизни. Устанавливая неопредѣленныя, но тѣсныя границы личному существованію, она можетъ стимулировать, обострить потребности и загадки, возникающія въ этихъ границахъ,— но не опредѣлить собою ихъ содержаніе. Его исходная точка, во всякомъ случаѣ, въ движеніи самой жизни.

Но, можетъ быть, нашего поэта-философа пугаютъ и мучатъ непонятныя, стихійныя силы его собственной души? Нѣтъ, онъ и ихъ не боится, а скорѣе любитъ, онѣ даютъ ему счастье творчества, онѣ зовутъ его къ радостямъ жизни, къ борьбѣ... Къ борьбѣ,— но изъ-за чего? Къ радостямъ,—но неужели только для себя? Творчество,—но куда его направить, на что въ немъ опереться? Вотъ тутъ и встаютъ проклятые вопросы. Не вѣчное движеніе великаго космоса, не волненія и порывы собственной души идеалиста порождаютъ въ немъ эти вопросы,— они только *приводятъ* къ нимъ, не болѣе. Источникъ ихъ лежитъ *внѣ* отдѣльной личности и *внѣ* безразличной стихійности внѣшней природы.

Гдѣ же именно? На это ясно указываетъ другое стихотвореніе Гейне, посвященное

также «проклятымъ вопросамъ», которые тамъ онъ формулируетъ ближе къ жизни:

«Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя;
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые,
Отчего подъ ношей крестной
Весь въ крови влачится правый,
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно.
Такъ мы спрашиваемъ жадно,
До тѣхъ поръ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?»

Вотъ гдѣ лежитъ то неразумное и нелогичное въ жизни, что наполняетъ душу тревогой и сомнѣніемъ и будитъ въ ней неразрѣшимые вопросы: въ общественной жизни людей, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Непонятны тѣ стихійныя силы, которыя царятъ тамъ, нѣтъ въ нихъ ни логики, ни справедливости; уносятъ онѣ человѣка къ той судьбѣ, которой онъ не хочетъ и не заслуживаетъ и, что всего ужаснѣе, которой онъ

не знаетъ... Идетъ борьба,—но лучшіе ли въ ней побѣждаютъ? Кипитъ работа,—но кому достанутся ея плоды? Отвѣты жизни то и дѣло оказываются такъ нелѣпы, такъ чудовищны, что сердце сжимается отъ боли и недоумѣнія. Противорѣчія общественнаго бытія людей—вотъ корень проклятыхъ вопросовъ, осаждающихъ сознаніе.

Когда природа всецѣло властвовала надъ человѣкомъ, тогда неразумное и нелогичное, тяготѣвшее надъ его жизнью, находилось совершенно внѣ его и ему подобныхъ, и было ему вполнѣ чуждо. Оно лежало тамъ, гдѣ онъ и не могъ искать и требовать ни логики, ни разумности, гдѣ онъ могъ бояться и умолять, но только не спрашивать. Поэтому въ теологическомъ міровоззрѣніи, выражающемъ эту фазу развитія, проклятыхъ вопросовъ вовсе нѣтъ: тѣ вопросы, которые соотвѣтствовали имъ по внѣшнему выраженію, имѣли совершенно иное, несравненно менѣе сложное содержаніе и допускали чрезвычайно простые, ясные и достаточно убѣдительные отвѣты. Если, напр., признавалось, что человѣкъ и все живое существуетъ для того, чтобы творить волю пославшаго, то воля эта понималась какъ чи-

стый произволъ, и не философскій анализъ долженъ былъ выяснять ее, а непосредственное откровеніе. Если было установлено, что «существо человѣка» состоитъ въ его душѣ, то уже не возникало дальнѣйшаго вопроса, въ чемъ же существо этой души: она не была соткана изъ загадочныхъ противорѣчій, ея простота и жизненная устойчивость не порождали сомнѣній насчетъ ея состава и степени ея реальности. Все было на своемъ мѣстѣ; и философскія сомнѣнія не могли найти дороги въ головы, всецѣло заполненныя заботою о непосредственномъ поддержаніи жизни.

Рядъ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ человѣчествомъ надъ внѣшней природой, протекалъ нераздѣльно съ кореннымъ преобразованіемъ общественной природы человѣка. Человѣкъ сталъ существомъ *логическимъ* и *этическимъ*.

Первое—логическая форма мышленія—явилось болѣе непосредственнымъ результатомъ возрастающей власти надъ природою: въ твердыхъ логическихъ нормахъ выразилось прочное обладаніе цѣлой массою связей и соотношеній между комплексами природы. Законъ торжества формулируетъ по пре-

имуществу соціальный и непрерывный характеръ этого обладанія: «то, что для меня и въ данный моментъ есть *A*, является таковымъ же *A* и въ опытѣ другихъ людей, а также и въ моихъ послѣдующихъ воспоминаніяхъ объ этомъ»,—таковъ единственно возможный смыслъ формулы A=A, смыслъ, внѣ котораго она превращается въ безполезную и безжизненную комбинацію знаковъ. Законъ достаточнаго основанія резюмируетъ реальное жизненное значеніе этого обладанія,—возможность предвидѣть будущее, освобожденіе отъ непостижимыхъ случайностей и чудесъ.

Этическое сознаніе было болѣе косвеннымъ слѣдствіемъ трудового развитія человѣчества. Общество возросло до громадныхъ размѣровъ и глубоко дифференцировалось въ зависимости отъ раздѣленія труда между людьми. Но именно это сдѣлало общество формально - неорганизованной, анархической системой. Матеріальная жизненная связь сотрудничества между членами и группами общества осталась, но была совершенно замаскирована ихъ формальной обособленностью и борьбою ихъ интересовъ. Этическое сознаніе и выразило въ себѣ эту двойствен-

ную природу общества, являясь той формою, въ которой матеріальная связь трудовой солидарности ограничивала и обуздывала анархическія тенденціи группъ и личностей въ борьбѣ ихъ интересовъ. Фетишистическій характеръ этого сознанія (абсолютный императивъ, религіозный или «категорическій»), его «непостижимость» вытекала именно изъ противорѣчія между реальной связью сотрудничества, составляющей его основу, и скрывающей эту связь формальной независимостью личностей въ трудовомъ процессѣ и борьбой между ними. Разъ основа ускользаетъ отъ наблюденія, а проявленіе обладаетъ очевидной жизненной реальностью и практическимъ значеніемъ, то очень понятно, что оно представляется фетишисту «голосомъ изъ другого міра».

Неорганизованная, анархичная форма общественнаго процесса отдала человѣка, вышедшаго изъ подчиненія стихіямъ внѣшней природы, во власть не менѣе стихійныхъ силъ самой общественной жизни, и силы эти понесли человѣка «неизвѣстно куда и противъ его воли». Но существо логическое и этическое уже не могло съ первобытнымъ фатализмомъ и покорностью отнестись къ

этому положенію; оно стало цѣпляться за то, что обычно давало ему опору въ жизни,— за логическія и этическія формы своего сознанія. Къ непонятному и непреодолимому потоку жизни оно начало предъявлять логическія и этическія требованія, которыя, конечно, не удовлетворялись, но благодаря этому становились только еще болѣе настоятельными и ощущались еще болѣзненнѣе. Обобщенную форму этихъ требованій и представляютъ «проклятые вопросы».

Громадныя различія жизненнаго опыта людей, какъ членовъ дифференцированнаго общества, различія, приводящія къ неизбѣжному въ той или иной мѣрѣ ихъ взаимному непониманію въ ихъ сотрудничествѣ и борьбѣ, вмѣстѣ съ громадными измѣненіями въ содержаніи опыта отдѣльнаго человѣка въ различныхъ фазахъ его существованія, приводящими къ неустойчивости образа собственнаго «я» человѣка, создаютъ мучительную потребность въ томъ общемъ и непрерывномъ, что господствовало бы надъ всѣми этими различіями и измѣненіями, что было бы *всегда и для всѣхъ тожественной* точкой опоры въ хаосѣ жизни. Эта потребность, выражаемая въ «вѣчномъ вопросѣ» о «сущно-

сти вещей», и есть перенесеніе на «все», на стихійный потокъ бытія того требованія, которое логика формулируетъ какъ *законъ тожества*.

Безпомощность личности передъ непонятными силами общественнаго бытія, ея неспособность овладѣть ими въ познаніи и практикѣ, обостряетъ потребность причинно представить себѣ движеніе этихъ силъ и порождаетъ другой «вѣчный вопросъ»— о всеобщей «причинѣ причинъ», которая послужила бы отдыхомъ и успокоеніемъ отъ вѣчно мелькающихъ и ускользающихъ, утомительно сплетающихся и безнадежно запутывающихся причинъ частныхъ. Это—перенесеніе на безконечное той точки зрѣнія, которая логически выражается по отношенію къ конечнымъ явленіямъ въ *законѣ достаточнаго основанія*.

Что касается вопроса о высшей цѣли бытія, то его смыслъ еще очевиднѣе: это страстный вопль безсилія *этическаго сознанія* передъ безнадежной неэтичностью развертывающейся жизненной борьбы. Къ общественному, къ человѣческому бытію этическій человѣкъ не можетъ не предъявлять этическихъ требованій; а оно молчаливо издѣвает-

ся надъ ними, наказывая добродѣтель и награждая порокъ. Боль этого противорѣчія воплощается въ телеологическомъ вопросѣ, «проклятомъ» и «вѣчномъ», потому что самыя обстоятельства, которыя его порождаютъ, ручаются за его неразрѣшимость.

Итакъ, тотъ своеобразный соціально-психологическій фактъ, который называется «проклятыми» или «вѣчными» вопросами философіи, имѣетъ свой глубоко-реальный жизненный базисъ: это господство стихійности общественныхъ отношеній надъ личностью и ея судьбою. Пока этотъ базисъ существуетъ, нельзя и мечтать о *полномъ* искорененіи означенныхъ вопросовъ; самая тонкая и сильная философская критика не можетъ уничтожить того, что зарождается гораздо глубже сферы дѣйствія критики вообще. Въ этомъ смыслѣ правъ былъ нашъ герой въ своей отповѣди критику-позитивисту: самъ этотъ позитивистъ, понятія не имѣвшій объ истинной основѣ критикуемыхъ вопросовъ, конечно, въ глубинѣ души былъ не настолько свободенъ отъ склонности къ нимъ, насколько воображалъ и высказывалъ это. Какъ дитя буржуазнаго общества, всецѣло стоя на почвѣ его отношеній,—какъ и всѣ,

подчиненный ихъ непреодолимой стихійности, могъ ли онъ не отразить въ своей психикѣ это подчиненіе и эту стихійность?

Въ иномъ положеніи находится его историческій наслѣдникъ — современный «реалистъ» школы Маркса. Для него существуютъ не только сложившіяся буржуазно-капиталистическія отношенія, но также иныя, изъ нихъ возникающія, но представляющія ихъ противоположность. Рядомъ съ классами, живущими всецѣло въ атмосферѣ конкурренціи и общественно-трудовой анархіи, обусловливающихъ господство надъ людьми ихъ собственныхъ отношеній, выступаетъ иной классъ — пролетаріатъ, представитель растущей товарищеской солидарности, массоваго объединенія силъ, съ тенденціей подчинить своей организованной волѣ эти общественныя отношенія. Появленіе этого класса создаетъ и новую точку зрѣнія, которая уже позволяетъ, во-1), изслѣдовать стихійныя силы общественнаго процесса и такимъ образомъ познавательно овладѣть ими, во-2), вести шагъ за шагомъ сознательную борьбу противъ ихъ реальнаго господства. Такимъ образомъ подрывается самый базисъ мучительныхъ «вѣчныхъ» вопросовъ, и возника-

стъ впервые возможность ихъ дѣйствительнаго и прочнаго устраненія.

Кто знаетъ тенденцію происходящихъ въ жизни измѣненій, кто ясно понимаетъ, куда они ведутъ, и ничего не имѣетъ противъ ихъ основного направленія, а наоборотъ, видитъ въ немъ прогрессъ, ростъ и расширеніе жизни, тотъ уже не находится въ положеніи пловца, уносимаго теченіемъ неизвѣстно куда и противъ его воли, тотъ не ищетъ отчаянно точекъ опоры, фиктивныхъ, если нѣтъ реальныхъ. Таковъ современный «реалистъ». Ему извѣстна, въ основныхъ чертахъ, линія развитія общественной жизни, извѣстна настолько, что позволяетъ уже съ успѣхомъ дѣлать нѣкоторыя важныя предсказанія; и общій смыслъ этихъ предсказаній; оказывается въ данную эпоху благопріятнымъ для роста жизни и силы людей. Гдѣ совершающіяся измѣненія не страшны и не враждебны, тамъ нѣтъ стремленія цѣпляться за неизмѣнное. Къ чему реалисту пустая «сущность» вещей, когда для него раскрываются шагъ за шагомъ полные смысла и содержанія законы ихъ движенія? Къ чему неизмѣнная «послѣдняя причина», когда, развертывая одно за другимъ звенья безконечной цѣпи

причинъ, онъ съ каждымъ новымъ шагомъ испытываетъ гордое чувство побѣды, возрастанія власти надъ враждебными силами? Къ чему извнѣ поставленная, чужой волей навязанная «конечная цѣль» жизни, когда, свободно избирая себѣ идеалъ жизни, онъ убѣждается, что ея собственный путь, по которому ведетъ ее объективный ходъ ея собственнаго развитія, пролегаетъ въ сторону этого же идеала? «Вѣчные» вопросы отмираютъ, уходятъ въ прошлое, освобождая мѣсто и силы для новыхъ, трудныхъ, но разрѣшимыхъ, вопросовъ, «временныхъ», но живыхъ и близкихъ вопросовъ жизни, а не того, что внѣ жизни и надъ нею.

Всѣ эти условія и мотивы успокоенія на борьбѣ и для борьбы существуютъ въ наше время, но ихъ не было или почти не было въ эпоху гейневскаго идеалиста. Поэтому, если бы, вопреки закону исторіи, къ нему явился современный «реалистъ» и попытался изложить свою точку зрѣнія, молодой вопрошатель просто не понялъ бы его, не нашелъ бы въ своей психикѣ тѣхъ переживаній, которыя составляютъ дѣйствительный смыслъ и содержаніе новаго пониманія жизни. Онъ пожалъ бы плечами и сказалъ

Тьюри. *Пет.* [illegible] *и [illegible] геологія.* Подъ редакц. и съ предисл. проф. *Р. Ю. Виттера.* 306 стр. Ц. 60 к.

Ромаиесъ. *Теорія Дарвина.* Подъ ред. и съ предисл. проф. *М. А. Мензбира.* 366 стр. 124 рис. Ц. 70 к.

Постъ. *Зачатки государств. и [illegible] отношеній.* Перев. Ц. Н. Толстой. Съ пред. проф. *М. Ковалевскаго.* 275 стр. 1900 г. Ц. 60 к.

Бутмн. *Развитіе государств. и общественнаго строя Англіи.* (Исторія англійской конституціи.) Перев. съ второго англійск. изданія подъ ред. М. В. Покровскаго. 182 стр. М. 1904 г. Ц. 40 к.

СЕРІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ КУРСОВЪ.

Роско. *Химія.* Перев. подъ редакц. прив.-доц. моск. унив. *С. Г. Крапивина.* Съ 31 рис. 122 стр. 1902 г. Ц. 25 к.

Допущена Уч. К. М. Н. П. въ учебн. библ. [illegible] и [illegible] народн. библ. и [illegible] и для публикац. народн. чтеній.

Гексли. *Введеніе въ науку.* Перев. *Д. Кайгарова,* подъ ред. прив.-доц. моск. унив. *Н. К. Кольцова.* 80 стр. 1902 г. Ц. 20 к.

Допущена Уч. К. М. Н. П. въ учебн. библ. [illegible] и въ библ. народн. [illegible] и читальнях.

Фостеръ. *Физіологія.* Перев. *Д. Кайгарова,* подъ ред. прив.-доц. *Н. К. Кольцова.* Съ 19 рис. 120 стр. 1903 г. Ц. 30 к.

Допущена Уч. К. М. Н. П. въ библ. [illegible] и читальнях.

Гетте. *Зоологія.* (Съ рисунками.) М. 1904 г. Ц. 40 к.

Допущена Уч. К. М. Н. П. въ [illegible] библиот. и читальнях.

Склады изданія въ Москвѣ: 1) Большая Никитская, книжн. магаз. „Грамотей". 2) Тверская, въ кн. магаз. „Трудъ". 3) С.-Петербургъ — книжн. магаз. „Общества Польза", Большая Подъяческая, 39, соб. домъ; 4) книжн. магаз. Кирбасникова. 5) Одесса, Дерибасовская ул., магазинъ Рассопова.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.